8 01 4
331975

И. Лежнев

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Гослитиздат

1941

79667

8917:92
Л-40

И. Лежнев

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

КРИТИКО-БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

331975
Пед. ин-т им. А. И. Герцена
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ
Государственное Издательство Художественной Литературы
МОСКВА
1941

Коми. Педагогический Ин-т имени Н. К. Крупской
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 79667

[illegible]

I. ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

1. *Краткая биография*

Михаил Александрович Шолохов—бесспорно выдающийся русский писатель нашего времени. Его недавно законченный роман-эпопея «Тихий Дон» и по размеру своему, и по историческому охвату, и по художественному мастерству представляет собой крупнейшее произведение советской литературы.

М. А. Шолохов еще молод. Он в расцвете творческих сил. 24 мая минувшего года ему исполнилось 35 лет. Родился Шолохов в 1905 году в хуторе Кружилином Вешенской станицы бывшей Области Войска Донского. Его отец переменил на своем веку несколько профессий. Он был скупщиком скота, приказчиком в коммерческом предприятии, управляющим на паровой мельнице и пр. Мать Шолохова—крестьянка по происхождению.

Когда мальчик подрос, отец отвез его в город учиться, а неграмотная мать, очень скучавшая по сыну, сама выучилась грамоте, чтобы иметь возможность самостоятельно переписываться с сыном, не прибегая к помощи мужа.

Учился писатель в гимназии до 1918 года. Военные события на Дону, гражданская война прервали его учебу.

В своей коротенькой автобиографии М. А. Шолохов пишет:

«С 1920 года служил и мыкался по Донской земле. Долго был продработником. Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами. Все шло, как положено. Приходилось бывать в разных переплетах, но за нынешними днями все это забывается.

Пишу с 1923 года, с этого же года печатаюсь в комсомольских газетах и журналах. Первую книжку издал в 1925 году. С 1926 года пишу «Тихий Дон»...»

За этой кратчайшей протокольной записью стоит богатая событиями жизнь. В гимназии учился Шолохов до 13-летнего возраста, между тем, книги Шолохова говорят о хорошей под-

готовке автора, о глубоком усвоении лучших традиций русской и мировой литературы, о тончайшем артистическом вкусе. Они говорят о прекрасном знании жизни, о проникновении в тайники человеческой души. Многое здесь надо приписать выдающемуся, исключительному дарованию писателя,—он по праву занимает одно из первых мест в советской литературе. Но блистательное дарование еще не все. М. А. Шолохов усердно работает над своим идейным и культурным развитием.

В 1923 году, в начале своей литературной деятельности, Шолохов, 18-летним юношей, приехал в Москву. Настоящего писательского мастерства у юноши еще тогда не было. Получить средства к жизни было неоткуда, и Шолохову, чтоб прокормиться, пришлось работать чернорабочим, грузчиком, каменщиком, делопроизводителем. Конечно, это обогатило его жизненный опыт, позволило лучше и глубже узнать жизнь простого, рядового труженика. Для писателя, который пишет о народе, такое знание—бесценный клад.

Первый сборник рассказов Шолохова появился в печати в 1925 году. Это раннее литературное произведение не удовлетворило писателя. Он задумал создать большую эпопею из жизни казачества, то произведение, которое впоследствии оформилось в роман «Тихий Дон». Для работы над романом Шолохов вернулся из Москвы в родные ему места, где его непосредственно окружила казачья среда, живые герои его будущей эпопеи.

С самого раннего возраста М. А. Шолохов активно участвует в общественной жизни—сперва, в годы гражданской войны, он был участником боев с белыми бандами, затем сотрудничал в комсомольской печати. Сейчас он член партии, член районного комитета партии станицы Вешенской, депутат Верховного Совета СССР.

В борьбе с врагами, в кровавых стычках и боях с белогвардейщиной, в непрерывной учебе рос и развивался талант Шолохова. Именно сочетание художественного таланта с упорным трудом, учебой и борьбой позволило писателю подняться на такую высоту.

М. А. Шолохов живет на родном ему Дону, в станице Вешенской. Его дом с мезонином, неподалеку от Дона, стал местом своеобразного паломничества. Разными средствами сообщения—на автомобилях, лошадях, пароходах, лодках, аэропланах сюда в большом количестве съезжается разный люд: свой брат писатель, люди искусства, журналисты, казаки, крестьяне, рабочие, учащаяся молодежь, командиры, туристы, иностранцы. Сюда,

к большому писателю, гостеприимному хозяину и чуткому слушателю, люди едут охотно.

Обширную корреспонденцию получает Шолохов со всех концов великого Союза. В большинстве пишут читатели. Они благодарят Шолохова за его прекрасные книги, делятся своими мыслями и впечатлениями о прочитанном, спрашивают советов. Некоторые из этих писем настолько глубоки и содержательны, что во многом превосходят высказывания профессиональной критики. Следом за письмами идут груды рукописей. Их посылают молодые, начинающие писатели, которые хотят услышать авторитетное слово, ждут оценки, просят о творческой помощи.

Один из старейших русских писателей, А. С. Серафимович, в художественном очерке рассказывает о жизни М. А. Шолохова:

«Дон дает ему массу впечатлений, типов, часто неожиданных проявлений народного творчества, самобытного, оригинального в борьбе с природой. У писателя—большие знакомства и тесные дружеские отношения с рыбаками-казаками. Он у них учится, он их наблюдает, он берет от них сгустки векового народного творчества... Он часто приезжает в какой-нибудь колхоз, соберет стариков и молодежь. Они поют, пляшут, бесчисленно рассказывают о войне, о революции, о колхозной жизни, о строительстве. Он превосходно знает сельскохозяйственное производство, потому что не со стороны наблюдал его, а умеет и сам участвовать в нем... При его помощи организован театр молодежи в станице...»

Поездки Шолохова по Вешенскому району и Ростовской области значительно участились с момента избрания его депутатом Верховного Совета СССР. Отдельные колхозы, отдельные граждане обращаются к писателю, как к своему депутату, с различными жалобами и просьбами. Для выяснения обстоятельств, для проверки, для проталкивания того или иного дела приходится выезжать на места.

Большая партийная и общественная работа, активное участие в строительстве социализма, повседневное соприкосновение со «злобой дня» во всей ее конкретности, постоянное и живое общение с народом обогащают Шолохова как писателя. Особенно хорошо, во всех интимных подробностях он знает людей и нравы родного казачьего края.

Дважды Шолохов выезжал за границу. Во время первой поездки он побывал и в Берлине, но надолго там не задержался. Его потянуло в родные места, к тихому Дону, к утопающему в зелени уголку под Вешенской станицей. Во вторую свою поездку за границу Шолохов побывал в Англии и Дании. Его кратко-

временное пребывание здесь вызвало живой интерес в широких кругах Скандинавии. Многое порассказал писатель о своей родине...

Итог творческой работы Шолохова—шесть больших книг: четыре тома «Тихого Дона», первый том «Поднятой целины» и первая его работа—сборник «Донских рассказов», вышедший в наиболее полном виде под названием «Лазоревая степь».

2. *Литературная судьба*

В литературной среде Шолохов был встречен недружелюбно. Первые его книги подвергались самым жестоким нападкам. Ворошить писания литературной критики времен Раппа не сто́ит. Там мы могли бы почерпнуть «истины» вроде той, что Шолохов сам (а не только его герои) одержим «идеологией колеблющегося середняка», что он, «конечно», совершенно чужд пролетарской литературе, и прочее в том же духе. Иные литераторы звали тогда «в атаку» на психологический реализм.

В ту пору во многих речах и статьях по общим вопросам литературы Шолохову учиняли «вселенскую смазь» мимоходом. Появилось тогда в печати несколько «работ» о творчестве Шолохова, в которых писателя обвиняли в... кулацкой идеологии. Только и всего!

Ретивые «критики» этого пошиба из кожи лезли, чтобы опорочить писателя, запятнать его имя, задушить молодое дарование. Рассказывали, сперва шопотом, а потом и в печати, будто «Тихий Дон» написан вовсе не Шолоховым, а каким-то убитым в гражданскую войну белогвардейским офицером, у которого Шолохов якобы уворовал рукопись. Вскоре после появления в свет первого тома романа в ростовской газете появились три газетных «подвала» под заголовком «Неопубликованные главы из «Тихого Дона», а потом еще статья «Творцы чистой литературы», где Шолохову предъявлялось обвинение в плагиате (в литературном воровстве). За распространение этой клеветы редактор газеты был снят с работы.

Честь открытия художественного дарования Шолохова принадлежит старейшему пролетарскому писателю А. С. Серафимовичу. К первой юношеской книге Шолохова, к «Донским рассказам», он написал предисловие, в котором дал высокую оценку творчеству молодого писателя. А. С. Серафимович отмечал красоч-

ность языка Шолохова, огромное знание описываемой действительности, чувство художественной меры, зоркость глаза. В этом дальнейшем предисловии читаем: «Как степной цветок, живым пятном встают рассказы г. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь—перед глазами стоит».

Но это авторитетное признание таланта Шолохова не избавило юного писателя от дальнейших мытарств. Когда он в 1927 году прислал в редакцию журнала «Октябрь» первый том «Тихого Дона» для напечатания, то здесь отнеслись к рукописи довольно сдержанно. Редколлегия не поняла ни темы романа, ни замысла автора. Ей показалось, что это бытописательский роман о старом, дореволюционном казачестве, нечто весьма далекое, лишенное всякой политической остроты и интереса. Художественных достоинств романа по-настоящему тоже не оценили, увидели только, что в рукописи 20 авторских листов,—так не слишком ли это много? Посему редакция склонилась к такому решению: роман напечатать при условии, если автор согласится на решительные сокращения. Но так как в романе речь шла о казачестве, а почетным редактором журнала состоял А. С. Серафимович, который сам родом из казацкой семьи, то для верности передали ему рукопись на окончательное заключение.

Нелегко было старому писателю прочесть ее! Малоопытный в редакционных порядках, Шолохов представил рукопись перепечатанную на машинке—совсем без интервалов. Строка лепилась к строке, одна налезала на другую—сплошное месиво букв... Прочел Серафимович и увидел, что это художественный шедевр. И тогда, в 1928 году, с январской книжки журнала началось печатание «Тихого Дона».

Восторженный отзыв А. С. Серафимовича о романе появился в «Правде» в номере от 19 апреля 1928 года. Старый писатель сравнивает Шолохова с молодым желтоклювым орлёнком, который неожиданно размахнул огромными крыльями.

«...Неправда, люди у него,—писал Серафимович,—не нарисованные, не выписанные, это—не на бумаге. А вывалились живой сверкающей толпой, и у каждого свой нос, свои морщины, свои глаза с лучинками в углах, свой говор. Каждый по-своему ходит, поворачивает голову. У каждого свой смех, каждый по-своему ненавидит. И любовь сверкает, искрится и несчастна у каждого по-своему.

Вот эта способность наделить каждого собственными чертами, создать неповторимое лицо, неповторимый внутренний человечий строй,—эта огромная способность сразу взмыла Шолохова, и его увидали.

Точно так, как он умеет странно выпукло дать человека, так он умеет сосредоточенно и скупо обрисовать целую людскую группу, человеческий слой...

...Яркий, своеобразный, играющий всеми цветами язык — как радужно играющее на солнце перламутровое крылышко кузнечика, степного музыканта. Подлинный живой язык степного народа, пронизанный веселой, хитроватой ухмылкой, которой всегда покрыта казачья речь. Какими дохлыми кажутся наши комнатные скучные стихотворцы, — будь им легка земля...»

В 1928 году вышел первый том «Тихого Дона» и вслед за ним в 1929 году — второй. Третий том, совпадающий с шестой частью романа и почти целиком посвященный восстанию на верхнем Дону в 1919 году, был написан Шолоховым к лету 1931 года. При опубликовании этого тома перед писателем возникли новые трудности. О них можно судить по письму, которое послал тогда М. А. Шолохов А. М. Горькому. Приведу две-три выдержки:

«...некоторые «ортодоксальные» «вожди» Раппа, читавшие шестую часть, обвиняли меня в том, что я будто бы оправдываю восстание, приводя факты ущемления казаков верхнего Дона. Так ли это? Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию...

...У некоторых собратьев моих, читавших 6-ю часть и не знающих того, что описываемое мною исторически правдиво, сложилось заведомое предубеждение против 6-й части. Они протестуют против «художественного вымысла», некогда уже претворенного в жизни. При чем это предубеждение, засвидетельствованное пометками на полях рукописи, носит иногда прямо-таки смехотворный характер... Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест, и если бы всех слушать, то три четверти нужно выбросить...

...Буду с большим нетерпением ждать от Вас письма или телеграммы. Изболелся я за эти полтора года за свою работу и рад буду крайне всякому Вашему слову... В апреле я уехал от Вас из Краскова с большой зарядкой бодрости и желания работать. Спасибо Вам, дорогой Алексей Максимович, за Ваше теплое внимательное отношение ко мне. Крепко жму руку и крепко желаю Вам здоровья».

А. М. Горький высказался за напечатание рукописи, признал, что третий том «Тихого Дона» — «произведение высокого достоинства». Не во всем с Шолоховым был согласен Горький в 1931 году. Тогда еще не были написаны ни «Поднятая

целина», ни обе последние части «Тихого Дона», и замысел Шолохова, основная тема его творчества не были раскрыты. Однако и тогда Горький говорил: «Шолохов очень даровит, из него может выработаться отличнейший советский литератор». О моральной поддержке, какую оказал молодому писателю родоначальник социалистической литературы, свидетельствует письмо самого Шолохова, его выражение благодарности Горькому.

Два крупнейших пролетарских писателя, А. М. Горький и А. С. Серафимович, исключительно высоко ценили Шолохова, поощряли его к дальнейшей творческой работе.

Выдающиеся заслуги писателя перед советской литературой отмечены партией и правительством высокими награждениями.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 года М. А. Шолохов был награжден Орденом Ленина «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы». Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 15 марта 1941 года о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы премия первой степени в размере 100 000 рублей была присуждена «Шолохову Михаилу Александровичу—действительному члену Академии Наук СССР за роман «Тихий Дон», опубликованный в 1940 г.». Орден Ленина и Сталинская премия первой степени—высшие награды в нашей стране. Партия Ленина—Сталина и советское правительство предоставили их Шолохову как знак исключительного внимания. В этих правительственных актах выразилась горячая признательность и любовь нашего народа к писателю, творцу замечательных книг.

Широкое признание Шолохов получил от многомиллионного читателя социалистической страны.

В одной из крайне немногочисленных своих речей он заявил:

«...Взаимоотношения, издавна установившиеся между советскими писателями и читателями, совершенно иные, нежели в капиталистических странах. Народ, которому мы служим своим искусством, ежедневно говорит о нашей работе устами читателей. Нас критикуют, ругают, когда надо, поддерживают под локоть при творческих неудачах, хвалят, когда мы этого заслуживаем, и каждый из нас постоянно чувствует около себя эту направляющую исполинскую трудовую и ласковую руку народа-созидателя».

Эти слова, прозвучавшие с трибуны XVIII съезда партии,—достойный ответ любимого писателя любимому народу.

3. Реализм Шолохова

Михаил Шолохов—сильный и оригинальный ум, большое художественное дарование, живой и здравствующий, в расцвете творческих сил, крупнейший русский писатель. Он завоевал широкую известность в Советском Союзе и за рубежом. Его книги вызывают восторженные отклики миллионов людей. Живописностью и красноречием художественного слова, глубиной и убедительностью психологических мотиваций он заставил нас полюбить тех своих героев, которых любит сам, и возненавидеть тех своих персонажей, к которым враждебен сам. Сила художественного внушения у Шолохова велика, магия искусства—покоряющая.

Творчеству Шолохова глубоко присущи большевистская идейность, социалистический реализм, народность.

Шолохов-художник досконально знает изображаемую им действительность, умеет четко обрисовывать характеры, проникать в глубины человеческих переживаний. Конфликты, и социальные, и личные, представлены в произведениях Шолохова с суровой, а зачастую и жестокой правдивостью. Каждое столкновение страстей автор доводит до конца, ничего не смягчая.

Когда читаешь отдельные его страницы, невольно восклицаешь: «Какой жестокий талант!» Но тут же рядом, иной раз у тех же самых действующих лиц, встречаешь проявления подлинной гуманности, высокой человечности. Сквозь грубость сочится нежность. В этом своеобразном сочетании противоположностей, верно отражающих противоположности, присущие самой жизни, состоит особое очарование шолоховского реализма.

О ком или о чем бы ни писал Шолохов—о коммунистах и комсомольцах, о белогвардейских генералах и офицерах, о казаках и казачках, о широкой степи, о «тихом» Доне, о небе и земле—он знает свою натуру в совершенстве. От его зоркого глаза не ускользает малейшее движение чувств, тончайшее движение мускула на лице героя.

А. М. Шолохову шел только 21-й год, когда он приступил к работе над «Тихим Доном». И уже первая книга этого огромного романа-эпопеи говорит о зрелом художественном мастерстве не только в овладении словом, в обрисовке пейзажей, отдельных сцен, лирических настроений, но—что поразительнее всего—о зрелом мастерстве в лепке характеров, о глубоком знании жизни и человеческой души.

Люди,—богатые и бедные, старые и молодые, люди разных классов и мировоззрений, мужчины, женщины, дети,—все пестрое

и многокрасочное население «Тихого Дона» живет в романе так, как оно жило на самом деле. Ни в одном событии или живом разговоре, или психическом состоянии нет ни малейшей натянутости, неправдоподобия, фальши. Жизнь казачества протекает перед читателем, как река в естественных берегах — с вымоинами, заливами, островками. Такова она от природы, такой представил ее художник.

Читатель загипнотизирован правдивостью, четкостью и силой возникающих перед ним картин. Со страниц книги вымышленные герои восстают как живые существа, облеченные в плоть и кровь, хорошо знакомые, а порою и близкие нам.

Иллюзия подлинности так сильна, что вовсе не хочется вспоминать: семьи Мелеховых в действительности никогда не было, Григорий, Аксинья, Наталья, Пантелей Прокофьевич и Ильинична, Мишка Кошевой и Митька Коршунов, Петр и Дарья, Штокман и Валет, Мохов и Листницкий, Христоня, Аникушка, Прохор Зыков и многие, многие другие действующие лица романа-эпопеи — плод фантазии Шолохова, его художественный вымысел.

Читатель внутренне знает, он чует, что герои «Тихого Дона» были в жизни, что это — совершенно реальные существа. Их радости и горести, их страсти и борьба по-настоящему волнуют, вызывают в читателе слезы, восторг и гнев. Он обжился в их кругу.

Герои «Тихого Дона» и «Поднятой целины» — художественное обобщение широкого социального опыта. Они служат надежным мерилом в оценке многих явлений жизни.

Многолюден «Тихий Дон». Но это не безликая толпа, не похожие друг на друга, как зерна икры, как ровные семечки на подсолнухе, существа. Каждый человек ярко очерчен в его индивидуальном своеобразии. Вместе с тем автор показывает нам и сословную общность и классовое расслоение людей. Они обрисованы во всей конкретности, во всех своих взаимоотношениях, как это и есть в живой действительности. Для примера приведу только одно из многочисленных описаний довоенного казачьего хутора:

«В каждом дворе, обнесенном плетнями, под каждой крышей каждого куреня коловертью кружилась своя, обособленная от остальных, полнокровная, горько-сладкая жизнь: дед Гришака, простыв, страдал зубами; Сергей Платонович, перетирая в ладонях раздвоенную бороду, наедине с собою плакал и скрипел зубами, раздавленный позором; Степан вынянчивал в душе ненависть к Гришке и по ночам во сне скреб железными пальцами лоскутное одеяло; Наталья, убегая в сарай, падала на

кизеки, тряслась, сжимаясь в комок, оплакивая заплеванное свое счастье; Христоню, пропившего на ярмарке телушку, мучила совесть; томимый ненасытным предчувствием и вернувшейся болью, вздыхал Гришка; Аксинья, лаская мужа, слезами заливала негаснущую к нему ненависть».

Таково мирное еще житие хутора Татарского. Надвигается империалистская война, потом революция, смена властей, баталии гражданской войны, жестокая, кровавая борьба донского казачества против советской власти.

Перед глазами читателя проходит вереница людей и судеб, порожденных и самой действительностью, и фантазией художника. Возникает целый мир, —и как в нем все сложно! Красота природы и красота любви. Богатство красок пейзажа и многообразие человеческих чувств, порою столь противоположных, что, казалось бы, они исключают друг друга, но в груди одного и того же героя, Григория Мелехова, они уживаются рядом. Рыцарское благородство и зверство. Природный ум и тупость. Мудрость сердца и ограниченность. Тончайшая нежность и грубость. Цельность и раздвоенность. Бесконечная тина противоречий!

Сколько событий и драм в «Тихом Доне», сколько смертей! Только что человек был исполнен порывов, страстей, стремлений, но «приласкалась пуля», и явилась в безобразной простоте своей смерть, с «трупным, васильковым запахом». От книги веет суровым дыханием самой действительности и вместе с тем обаянием высокого искусства.

Женские образы «Тихого Дона» пленительны. Зло несет с собой в мир одна только Дарья—похотливая бабенка с подкрашенными бровями, «зараза липучая», женщина жестокая и циничная. А Ильинична, Аксинья, Наталья, Дуняшка многообразно раскрывают мудрость и душевное богатство, красоту и гордость русской женщины. Мать и возлюбленная, жена и сестра таят в себе неиссякаемый источник любви, солнечной радости, человеческой заботы, женской нежности.

По глубине и сложности внутреннего мира и тонкости переживаний эти простые женщины из народа порою превосходят старые, хорошо знакомые нам из русской литературы женские образы.

В «Тихом Доне» и «Поднятой целине» Шолохов обнаруживает себя тончайшим психологом, вскрывающим самые сокровенные тайники человеческих душ. Богат и красочен его язык, во многом почерпнутый из первоисточника—из стихии народного словотворчества и фольклора. Сравнения, метафоры, эпитеты в

книгах Шолохова глубоко народны. В речи героев поражает большое разнообразие интонаций. Этим прекрасным художественным средством характеристики изображаемых фигур писатель пользуется широко и с большим успехом. Замечательны, полны движения и жизни диалоги. Брызжут юмором рассказы деда Щукаря, Авдеича, по кличке «Брех», Прохора Зыкова. Ярко выражена в книгах Шолохова песенная струя. Все это придает его языку народный колорит.

Особенно хороши и достигают классического совершенства батальные картины и картины природы. Автор знает родную ему донскую степь, каждую травинку в ней. Не только знает и любит, но и умеет с артистической точностью обрисовать, воспроизвести в слове.

Вместе с героями романа вы ездите верхом по этой степи, взбираетесь на бугры, спускаетесь в рытвины, вдыхаете запахи степи, любуетесь пестротой ее цветов, ласкаете взглядом степные просторы. И автор рассказывает вам о зверях и птицах этого края—о повадке каждого зверя, о посвисте каждой птицы. Проходят перед вами все краски и запахи, вся флора и фауна донской земли.

В романах Шолохова встречаются сотни превосходных описаний природы. Они служат художественным фоном для развития действия, оттеняют думы и переживания героев, придают им лирическую полноту и своеобразную глубину.

«На фоне вставшей в полнеба черной грозовой тучи» посылает свои проклятия Григорию доведенная до отчаяния Наталья с раскосмаченными волосами и мокрым от слез лицом. Окончательная опустошенность Григория после смерти Аксиньи изображена как черная, выжженная палами степь. Плодотворящая работа природы родит в душе исключенного из партии Нагульнова встречный отклик,—он отказывается от своего решения покончить самоубийством. И Шолохов с ослепительной силой живописного мастерства, не скупясь на краски, рисует здесь весенний донской пейзаж,- создает один из самых ярких поэтических своих шедевров. Их много в книгах Шолохова. Приведу только два примера.

Возвращается Аксинья в Вешенскую. В лесу перед ней «открылся мир в его сокровенном звучании», ненасытно вдыхает она аромат степных цветов:

«Улыбаясь и беззвучно шевеля губами, она осторожно перебирала стебельки безымянных голубеньких, скромных цветов, потом перегнулась полнеющим станом, чтобы понюхать, и вдруг уловила томительный и сладостный аромат ландыша. Пошарив

руками, она нашла его. Он рос тут же, под непроницаемо тенистым кустом. Широкие, некогда зеленые листья все еще ревниво берегли от солнца низкорослый горбатенький стебелек, увенчанный снежно-белыми поникшими чашечками цветов. Но умирали покрытые росой и желтой ржавчиной листья, да и самого цветка уже коснулся смертный тлен: две нижних чашечки сморщились и почернели, лишь верхушка—вся в искрящихся слезинках росы—вдруг вспыхнула под солнцем слепящей пленительной белизной.

И почему-то за этот короткий миг, когда сквозь слезы рассматривала цветок и вдыхала грустный его запах, вспомнилась Аксинье молодость и вся ее долгая и бедная радостями жизнь. Что ж, стара, видно, стала Аксинья... Станет ли женщина смолоду плакать оттого, что за сердце схватит случайное воспоминание?

Так в слезах и уснула, лежа ничком, схоронив в ладонях заплаканное лицо, прижавшись опухшей и мокрой щекой к скомканному платку».

Спит в лесу Аксинья, «осыпанная призавявшими лепестками шиповника». И читателю невольно чудится, будто Аксинья и есть этот ландыш. Она так же красива, нежна, как этот ландыш. Она залита слезами, как ландыш—искрящимися слезинками росы. Так же, как и он, она сверкает на солнце белизной кожи и покрыта шипами своей бедной радостями жизни.

Это лирическое описание дано в самом начале четвертой книги «Тихого Дона». Оно является вступлением к тому заключительному разделу эпопеи, в котором ждут Аксинью скупые радости и много горя: бездомность, беженство, тиф, длительная разлука с любимым, вечная тревога за него, наконец, смерть.

Заканчивается эпопея смертью Аксиньи. И траурный мелодией звучит аккомпанемент природы: «В дымной мгле суховея вставало над яром солнце. Лучи его серебрили густую седину на непокрытой голове Григория, скользили по бледному и страшному в своей неподвижности лицу. Словно пробудившись от тяжкого сна, он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий диск солнца».

Могилу Аксинье Григорий выкопал шашкой. Вот для чего применил ее в последний раз. При помощи оружия он хоронит свою любовь. А самое оружие бросает в Дон. Конец той реакционной мечте о сословно-замкнутом казачестве, которая толкала Григория в лагерь врагов революции.

Изживает себя старое, умирает. Но живет, растет, цветет молодое. Трудовое, вольнолюбивое и гордое казачье племя на-

следует лучшие черты прошлого и вместе со всем советским народом идет навстречу новой колхозной жизни.

Образ этого будущего дан в лице Мишатки, который появляется на последней странице романа и говорит: «А дядя Михаил (Кошевой.—*И. Л.*) на службе...»

Григорий стоит у ворот родного дома и держит на руках сына. Заканчивается роман словами: «Это было все, что осталось у него в жизни, что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

Какой замечательный, исполненный глубокого поэтического смысла отзвук на пушкинские строки:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

Шолохов воспитывает эстетические вкусы читателя, приучает его ценить красоту, повышает и облагораживает в нем культуру чувств, дает пищу его уму, ставит перед ним большие вопросы жизни, помогает идейному и художественному самосознанию народа — короче, выполняет важнейшее предназначение мастера искусств. Этого он достигает до конца правдивым, беспощадно суровым изображением действительности, раскрытием человеческих чувств во всей их глубине и сложности.

II. «ЛАЗОРЕВАЯ СТЕПЬ»

Массовый читатель знает Шолохова как романиста. Мало кто из широкой публики читал рассказы Шолохова. А ведь литературную свою деятельность писатель начал восемнадцать лет назад именно с рассказов. Первый сборник его «Донских рассказов» вышел в 1925 году и в наиболее полном виде был затем переиздан «Московским товариществом писателей» под названием «Лазоревая степь». Книга вышла тиражом в 5000 экземпляров. Не удивительно, что она стала теперь почти библиографической редкостью.

Ранняя, юношеская книга Шолохова воспроизводит картины гражданской войны на Дону и представляет значительный социальный и художественный интерес.

Первый рассказ в сборнике начинается со своеобразной писательской декларации. Здесь мы находим такие строки:

«...Какой-нибудь, не нюхавший пороха писатель очень трогательно рассказывает о гражданской войне, красноармейцах — непременно «братишках», о пахучем седом ковыле, и потрясенная аудитория, преимущественно милые девушки из школ второй ступени, щедро вознаграждают читающего восторженными аплодисментами.

На самом деле ковыль — поганая белобрысая трава. Вредная трава, без всякого запаха...»

Шолохова с юных лет, с самого начала его творческой работы, «заколили ости седого ковыля». Он зажегся одной сильной страстью: опровергнуть ходячую молву о казачестве, истребить «на корню» пригорюнно-фальшивую декламацию о гражданской войне на Дону, рассказать истинную правду «о том, как безобразно просто умирали люди» в донских окопах.

Всем своим творчеством Шолохов как бы говорит невидимому оппоненту: ваши представления о Доне и его людях, об их жизни, нравах, быте ошибочны... Вы видите одну только жесто-

кость, грубость, темноту казачью, но подозреваете ли вы, что под оболочкой грубости таились подчас высокая человечность и нежность? Знаете ли вы о кровавых распрях внутри казачьих семей, о том, какие требовались в этой борьбе мужество, воинственность, стойкость, гордость? Догадываетесь ли вы о том, как противоречив и мучителен был путь в революции среднего казака, когда он был даровит, умен, искренен и бился в поисках правды, ежечасно ставя на карту свою голову?

Шолохов показывает, что семейные распри, неистребимая вражда бурлили в казачьих семьях *разных* социальных слоев — тут и богатеи, и середняки, и беднота. Старший сын кулака Якова Алексеевича, Максим, идет по стопам отца, он его единомышленник и соучастник преступного убийства. А младший сын, Стёпка, — человек того же социального происхождения, того же имущественного положения — отдает жизнь за народное дело с непреклонностью и мужеством, какие сделали бы честь комсомольцу из бедноты. (Рассказ «Червоточина».)

Двое сыновей малоимущего казака Петра Крамскова, Игнат и Григорий, героически дерутся на стороне красных и погибают от рук белых палачей, а младший сын того же бедняка, Михаил, становится одним из вожаков этих самых белых палачей и, не задумываясь, расстреливает отца и братьев. (Рассказ «Коловерть».)

Почему все это происходит?

О Донской области Ленин писал, как об «...оторванном от общерусской демократии казачьем крае» (т. XXI, стр. 201). О казачьих землях Ленин говорил, как о «...местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых...» (т. XXIII, стр. 52). Оторванность от общерусской демократии, сословная замкнутость, воспитанные веками охранительные традиции, реакционное понимание «казачьей вольности» и «казачьей чести» при низком уровне общей культуры и политического развития приводили к тому, что нередко на сторону белых становились и малоимущие казаки. А, с другой стороны, бывало и так, что революционные идеи, идеи социальной справедливости, несмотря ни на что, пролагали себе дорогу и находили живой отклик и среди молодежи зажиточных слоев казачества.

В основном, в подавляющем большинстве случаев в ряды красных шли, конечно, бедняки. В рассказе «Путь-дороженька» старый постовал-рабочий поучает своего сына Петра: «По двум путям-дороженькам не ходят, сынок! Выпала нам одна, по ней и иди, не виляя, до смерти. Коли родились мы постовалами-рабочими, то должны свою рабочую власть и поддерживать!..» Белые

казнят старика за принадлежность к большевизму. Остается Петр один, и развертывается его путь-дороженька.

Проходит героическая цепь подвигов комсомольца. Трогательная сцена, в которой Петр после смерти отца припадает ухом к мерзлой земле и, «обжигаясь липким холодком», слушает доносящиеся издали буханье орудий и татаканье пулемета. «Музыку слушаешь, парнишка? Музыка занятная». Радуется беднота, что красные уже неподалеку. Петр взрывает склад оружия белых, вместе с товарищами бежит, укрывается у лесничего. Но как раз там и подготовлен беглецам капкан. Ведут на расстрел. Бегство, отсиживание в ямах каменоломни под огненной осадой. Пришли красные. Спасение! Горячая комсомольская работа. Однако до мирной жизни еще далеко. Нахлынули махновцы. Раненный в стычке, с вытекшим глазом, попадает к ним в плен Петр Кремнев. Мужественные ответы бандитам — и вторично ведут Петра на расстрел. «Крепкий ты, хлопец... Я тебя милую, запишу к батькови в войско». Но и в самой махновской пасти Петр ведет революционную агитацию, несмотря на угрозы наушников Махно и ежеминутную смертельную опасность. И он добивается своего: махновская часть переходит на сторону красных. Ячейка союза, спасенного таким образом Петром от разгрома махновских банд, предлагает отправить его в округ на излечение, а потом зачислить рабочим на завод. Но не хочет Петр тихой пристани, он идет обратно, в самое пекло гражданской войны, туда, где «сильнее нуждаются в работниках».

И заключительная фраза: «Без конца кучерявится путь-дороженька, но Петька твердо шагает навстречу надвигающейся ночи, и из голубого полога неба бледнозеленым светом мерцает ему пятиугольная звезда».

Кремневы — отец и сын — рабочие-постовалы. Они «иногородние», потомственные пролетарии. Но немало было и среди коренного казачества бедняков, грудью отстаивавших советскую власть. Четко рисует Шолохов классовое расслоение казачества, развертывает картины классовой борьбы на Дону, исполненные острого драматизма.

Невозможно забыть рассказ «Смертный враг». Вернулся на казачий хутор после службы в Красной Армии бедняк Ефим. Он участвовал в боях под Царицыном и сейчас, в мирной обстановке, продолжает борьбу с кулачьем. Ефим — вожак бедноты. Поперек дороги стал он казачьей верхушке. Богатей Игнат, бывший заправила хутора, мстит ему. В крутом логу Игнат со своими сыновьями нападает на волчью нору и, в отсутствие волчицы, закапывает двух волчат, собственными руками душит

их и темной ночью бросает через плетень в ефимов двор. Не найдя своих волчат, разъяренная волчица идет по следу, перемахивает через тот же плетень и режет скот на базу Ефима. Его самого кулаки пытаются убить из-за угла, под защитой ночной темноты стреляют в него через окно его дома, наконец, в сумерках настигает его в поле посланный сильной рукою кол. «Ефим не чувствовал, как в рот ему, ломая зубы, выворачивая десны, глубоко воткнули кол, не чувствовал, как вилы пронзили ему грудь и выгнулись, воткнувшись в позвоночник».

Дерзкий до революционного самозабвения бедняк — смертный враг кулаков, и они крушат ему кости с жестокостью, какой не знает и хищный зверь. Революционную казачью бедноту это не останавливает. С присущей этому племени неистребимостью, она дерется до конца, героически отдает свою жизнь за дело освобождения. «Помни, Ефим, — говорит ему товарищ, — убьют тебя: двадцать новых Ефимов будет. Понял? Толком тебе говорю! Знаешь, как в сказке про богатырей? Одного убьют, и их обратно двое получаются... Ну, а нас не двое, а двадцать образуется!»

Революционные богатыри из казачьей бедноты не знали колебаний. Они шли в бой прямой дорогой. Внутренних противоречий, окольных дорожек, возвратов, спотыкания, душевного отчаяния в мучительных поисках правды они не знали. Тут не было ни разрыва, ни расхождения между бытием и сознанием.

С большой любовью и истинным восхищением рисует Шолохов близкую его сердцу революционную казачью молодежь, людей такого богатырского склада, как Петр Кремнев, как Ефим.

В «Лазоревой степи» писатель юным, неокрепшим еще пером и все-таки с жизненным реализмом изображает беспримерную жестокость, какую проявляли белые и кулачье, описывает кровавые будни гражданской войны на Дону. И тут же рядом Шолохов неустанно внушает читателю: все это так, но народ не жесток; огульные обвинения трудового казачества в жестокости—вредная легенда, «седой ковыль».

В нескольких рассказах автор с искренним волнением показывает, сколько таится в народе человечности, чуткости, сердечной доброты, отцовской любви.

Мы видим, как горестно и безутешно тоскуют старые казаки, отец и мать, по убитом на войне сыне, как трогательно они выхаживают тяжело раненного красноармейца и вырывают его из лап смерти. Забыта вчерашняя обида на него: вместе с товарищами из продотряда он отбирал у них хлебные излишки. Русый красноармеец напоминает убитого сына — и вот каждый

день Гаврила вставляя ему в рот свой потрескавшийся зачерствелый палец, концом ножа осторожно разжимал стиснутые зубы, а старуха через камышинку лила подогретое молоко и навар из бараньих костей». (Рассказ «Чужая кровь».)

Красный казак сотни особого назначения, пулеметчик Шибалок, сошелся с Дарьей. Во время родов она покаялась, что была подослана белой бандой и передавала ей секретные сведения. Дарью Шибалок сам расстрелял, а сотню просил сохранить жизнь ребенку. Народ проникся жалостью, и Шибалок выходил младенца кобыльим молоком. (Рассказ «Шибалково семя».) Рассказ этот по сюжету близок рассказу Всеволода Иванова о сибирских партизанах («Дите»). Совпадение это говорит о том, что такие случаи действительно бывали во время гражданской войны. В них отразились великодушие, высокая человечность, инстинкт отцовства, которые сильны в нашем народе.

«Жеребенок на тонких пушистых ножках стоит, как игрушечный деревянный конек». Не во-время родился он на свет божий: эскадрон ведет горячие бои. Рыжий чертенок нарушает боевой порядок, дурачливо взбрыкивает ногами. «Вид у него домашний, а на войне подобное не полагается», — говорит эскадронный. Надо жеребенка пристрелить, но казак Трофим жалеет его, спасает при опасной переправе и сам платится за это жизнью. (Рассказ «Жеребенок».)

Рассказы Шолохова красноречиво говорят о том, что высшие образцы человеколюбия проявляют большевики и комсомольцы. Это они героически отдают свою жизнь за правое дело, защищают и отстаивают жизненные интересы угнетенных, не задумываясь о собственной своей судьбе. Таков Ефим из рассказа «Смертный враг», таков Степка из рассказа «Червоточина», таков продкомиссар, ценой своей жизни спасший от гибели замерзающего мальчика, таковы все без исключения красные казаки, показанные Шолоховым в «Лазоревой степи».

Их гуманность не противоречит революционному долгу, а находится в полном соответствии с коммунистическим мировоззрением, с пролетарским гуманизмом, с великой идеей раскрепощения человечества. Заслуга Шолохова состоит в том, что он художественно-убедительно показывает, как живо в самом народе, даже в наиболее темных его слоях, чувство справедливости, инстинкт человеколюбия.

Примерно треть вещей сборника представляет собой сказы: повествование ведется от имени героя. Сказы эти часто таят усмешку в речевой интонации. Здесь обрисованы веселые, простодушные, комические фигуры, получившие дальнейшее разви-

тие в образах Прохора Зыкова («Тихий Дон»), деда Щукаря («Поднятая целина»).

Временами кажется, будто читаешь сказы Мих. Зощенко. Этот жанр возник у обоих писателей в общем одновременно, но в творчестве Зощенко он занял центральное место, а у Шолохова играет подсобную роль.

В начале революции в простую крестьянскую речь ворвались новые и малопонятные тогда народной массе слова иностранного корня. Столкновение этих двух разнородных словесных потоков давало временами причудливые сочетания. Подчеркивание этой причудливости стало излюбленным приемом юмористического сказа. Приведем пример.

Один из персонажей Шолохова, тот самый, который величает себя «председателем реввоенсовета республики», довольно своеобразно понимает эти новые слова. «Республика наша,—говорит он,—не особо громадная—всего-навсего дворов с сотню, и помещается она от станицы верст за сорок, по Топкой балке».

Когда к «республике» стали приближаться белые, он обратился к хуторянам с такой речью:

«— Давайте, товарищи, подсобим советской нашей власти и вступим с бандой в сражение до последней капли крови, потому што она есть *гидра, и в корне, подлюка, подрывает всеобчую социализму!..*

Старики, находясь позади людей, сначалу супротивничали, но я *матерно их агитировал*, и все со мной согласились, што советская власть есть мать наша кормилица, и *за ейный подол должны мы все категорически держаться*» и т. д.

Сказ в сборнике «Лазоревая степь» чередуется с лирико-эпическими рассказами. Здесь Шолохов с настоящим жаром сердца рассказывает о подвигах комсомольской молодежи, об ее неувядаемом героизме, о мужестве, стойкости, классовой непримиримости казаков-большевиков, о чуткости, благородстве и нравственной цельности народа. Подавляющее большинство рассказов исполнено напряженного драматизма. Нельзя без волнения читать рассказы «Пастух», «Алешкино сердце», «Нахалёнок», «Лазоревая степь», «Смертный враг», «Путь-дороженька», «Червоточина», «Бахчевник».

Шолохова мы знаем сейчас как реалиста-психолога. Но в ранних рассказах ему далеко не всегда удавалось с достаточной глубиной раскрыть внутренний мир своих героев. Молодому тогда писателю нехватало еще опыта. Многое запомнилось ему со времени гражданской войны. Подавляло обилие интереснейших эпизодов, страшных и необычных происшествий, о которых сбе-

зательно хотелось рассказать. От этого некоторые его ранние работы перегружены действием. Торопливо следуют одно событие за другим, и внимание читателя поневоле переносится с персонажа и его душевного состояния на самое событие. А при большой перегрузке действие не столько выявляет героя, сколько заглушает, забивает его. Петр Кремнев из «Путь-дороженьки», например, совершает множество героических подвигов; они сами по себе интересны, рассказано о них живо и увлекательно; но характеристики действующего лица это обилие фактов не обогащает. Он выступает перед нами как кремневый парень, а это видно уже из самой его фамилии...

Материал Шолохова иной раз не укладывался в рамки маленького рассказа, и автор, по-видимому, искал выхода в мастерстве слова, как художественном средстве индивидуализации героев. Надо сказать, что молодой писатель достиг здесь весьма значительных успехов. В этом отношении, как и во многих других, особенно интересен рассказ «Нахалёнок» — единственный рассказ Шолохова из детской жизни.

С фронта гражданской войны вернулся отец Мишки, красный моряк. После трудового дня он рассказывает малышу о Ленине, о своей встрече с ним в «длиннющих сенцах» Смольного, о памятном разговоре. На руках отца Мишка и засыпает. Дальше — сон мальчика:

«Сначала долго думал о диковинном человеке — Ленине, о большевиках, о войне, о пароходах. Сначала сквозь дрему слышал сдержанные голоса, слышал сладкий запах пота и махорки, а потом глаза слиплись, веки, словно кто ладонями придавил.

Не успел уснуть, увидал во сне город: улицы широкие, куры в просыпанной золе купаются; а что в станице их многое множество, а в городе куда больше. Дома точь-в-точь, как отец рассказывал: большущая хата, крытая свежим камышом, на трубе у нее стоит еще одна хата, у той на трубе еще одна, а труба самой верхней хаты в небо воткнулась.

Идет Мишка по улице, голову кверху задирает, рассматривает, и вдруг, откуда ни возьмись, шасть ему навстречу высоченный человек в красной рубахе.

— Ты, Мишка, почему без дела шляешься? — спрашивает он очень ласково.

— Меня дедуня пустил поиграть,—отвечает Мишка.

— А ты знаешь, кто я такой?

— Нет, не знаю...

— Я—товарищ Ленин!..

У Мишки со страха коленки подогнулись. Хотел тягу задать,

но человек в красной рубахе взял его, Мишку, за рукав и говорит:

— Совести у тебя, Мишка, и на ломаный грош нету! Хорошо ты знаешь, что я за бедный народ воюю, а почему-то в мое войско не поступаешь?

— Меня дедуня не пущает!..—оправдывается Мишка.

— Ну, как хочешь,—говорит товарищ Ленин,—а без тебя у меня неуправка! Должон ты ко мне в войско поступить, и шабаш!..

Мишка взял его за руку и сказал очень твердо:

— Ну, ладно, я без спросу поступлю в твою войску и буду воевать за бедный народ. Но ежели дедуня меня за это зачнет хворостиной драть, тогда ты за меня заступись!..

— Обязательно заступлюсь!—сказал товарищ Ленин и с тем пошел по улице, а Мишка почувствовал, как от радости у него захватило дух, нечем дыхнуть, хочет он что-то крикнуть—язык присох. Дрогнул Мишка на постели, брыкнул деда ногами и проснулся».

А дальше является из исполкома на ночевку человек в шинели «с кожаным голенищем под мышкой». В «голенище» оказалась карточка Ленина. Отец показывает ее Мишке:

«— Гляди, Мишка, вот это самый и есть Ленин!

Мишка вырвал у отца из рук карточку, впился в нее глазами и рот от удивления раскрыл: на бумаге стоит во весь рост небольшой человечек, вовсе даже не в красной рубахе, а в пиджаке. Одна рука в штанах, в карман засунута, а другой вперед себя показывает. Уперся Мишка в него глазами, в один миг всего ощупал; крепко, навеки, навсегда вобрал в память изогнутые брови, улыбку, притаившуюся во взгляде и в углах губ, каждую черточку лица запомнил.

Чужак взял из рук у Мишки карточку, защелкнул на замок голенище и пошел спать. Уже разделся, лег и закрылся шинелью, начал засыпать, когда услышал скрип двери. Приподнял голову:

— Кто это?

По полу шлепают чьи-то босые ноги.

— Кто там?—спросил он снова и около кровати неожиданно увидел Мишку.

— Тебе чего, малыш?

Мишка минуту постоял молча, потом, набравшись смелости, шопотом сказал:

— Ты, дяденька, вот чево... ты... отдай мне Ленина!..

Чужак молчит, голову свесил с кровати и смотрит на него.

Страх охватил Мишку: ну, как заскупится и не даст? Стараясь одолеть дрожь в голосе, торопясь и захлебываясь, зашептал:

— Ты мне отдай его навовсе, а я тебе... я тебе подарю жестяную коробку хорошую и еще отдам все как есть бабки и...— Мишка с отчаянием махнул рукой и сказал:— И сапоги, какие мне батянька принес, отдам!

— А зачем тебе Ленин?—улыбаясь, спросил чужак.

«Не даст!..»—мелькнула у Мишки мысль. Нагнул голову, чтобы не видно было слез, сказал глухо:

— Значит, надо!

Чужак засмеялся, достал из-под подушки голенище и подал Мишке карточку. Мишка ее под рубаху, к груди прижал, к сердцу крепко-накрепко и рысью из горницы...»

Спрятал Мишка карточку под амбаром, завернул в пожелтевший от старости лист лопуха и камешком привалил...

Разные подвиги совершает Мишка — шутейно-ребячливые и серьезные. То он пробирается на собрание в исполкоме и «голосует» за своего отца, то, заслышав военный оркестр, он со всех ног мчится навстречу красноармейцам и, поддернув сползающие штанишки, важно объявляет: «Я иду с вами воевать». Не посмеялся над Мишкой человек с чудным прозвищем «комбат»: для виду согласился, поставил только условие, чтоб мать пришила вторую помочь к штанишкам, обещал подождать и... не сдержал слова. Было еще и другое. Пришел к попадье продотряд излишки изымать, она утаивает, говорит, что нет подпола. Но Мишка тут как тут. «А из кухни мы с Витькой лазили в подпол, забыла?» Недаром кулачье окрестило его именем: «коммуненок».

Заканчивается рассказ действительным героическим подвигом малыша. Налетела в станицу банда, и дед ночью послал Мишку верхом в соседний хутор звать на помощь красноармейский отряд. Вблизи хутора по неизвестному всаднику наши открыли огонь, конь повалился на бок и раздавил ногу Мишке. Теряя сознание, он успел только прошептать подбежавшим бойцам: «Банда в станице... батяньку убили... исполком сожгли, а дедуня велел вам скорейча ехать!..»

В этом рассказе совершенно замечательна интонация авторской речи Шолохова. Повествование ведется как будто тоном беспристрастного рассказчика; вместе с тем в авторской речи таится ласковая, отцовская улыбка, — так мог бы звучать голос отца, любовно рассказывающего о геройствах родного своего сынишки; вплетается сюда и третья нота: это ощущение мира, ви́дение жизни и людей самого мальчика, — так взрослый мог

бы вспоминать собственное свое детство, если бы был наделен даром «удержать самый склад и образ мыслей и речей» ребенка. Три голоса слиты воедино, и с большим художественным тактом и чутьем выступает каждый раз вперед, покрывая два остальных голоса, то один, то другой, то третий.

Это богатство интонации—одна из самых обаятельных черт шолоховского дарования.

Всюду, и особенно в «Тихом Доне», в авторской речи звучит одновременно три голоса: голос беспристрастного рассказчика, голос всего казачества, как бы совокупный казачий хор, передающий в песне свое поэтическое восприятие природы, свои буйство и лихость, свою лирическую грусть и грубоватую нежность; сплетается сюда и третий голос—голос героя, чей внутренний мир раскрывает перед нами писатель.

Среди художественных средств выражения, каким владеет Шолохов, богатство интонации занимает почетное место наряду с мастерством психологического анализа и живописью пейзажа.

III. «ТИХИЙ ДОН»

—

1. Предыстория гражданской войны на Дону

В 1940 году вышла в свет последняя, восьмая, часть «Тихого Дона». Тем самым была завершена работа Шолохова над романом и подведен итог многолетних творческих трудов писателя. Издание четвертого тома «Тихого Дона» явилось крупнейшим литературным событием 1940 года. Советская литература обогатилась монументальнейшим произведением эпопеей, охватывающей четыре тома, восемь частей, 90 печатных листов.

Перед нами эпопея величавая и поэтичная, как река Дон, омывающая казачьи земли, книга многоцветная и ароматная, как сама донская степь.

К работе над «Тихим Доном» М. А. Шолохов приступил в 1926 году. Четырнадцать лет творческой жизни отдал Шолохов своей художественной эпопее. За это время произошли гигантские изменения в нашей стране. Во многом изменился и сам писатель. Его талант рос и развивался, художественное мастерство совершенствовалось, обогащался жизненный опыт, знание действительности; расширялся идейный кругозор; более зрелым и углубленным становился взгляд писателя на мир и людей.

Действие в «Тихом Доне» обнимает целое десятилетие, примерно, с 1912 по 1922 год. Такой широкий исторический охват не входил в первоначальные планы автора. После юношеских своих опытов (сборники «Донские рассказы» и «Лазоревая степь») он приступил к роману из истории гражданской войны в узком понимании этого слова. Замыслы писателя в ту пору дальше этого не шли.

— Я начал, — рассказывал мне Шолохов, — с описания корниловщины, с нынешнего второго тома «Тихого Дона», и написал изрядные куски. Потом увидел, что начинать надо не с этого, и отложил рукопись. Приступил заново и начал с казачьей старины, с предвоенных лет, написал три части романа, которые и составляют первый том «Тихого Дона». А когда

первый том был закончен и надо было писать дальше—Петроград, корниловщину, я вернулся к прежней рукописи и использовал ее для второго тома. Жалко было бросать уже сделанную работу.

Это сообщение автора представляет выдающийся интерес. Оно говорит о том, как ширился и постепенно выкристаллизовывался замысел Шолохова. В процессе работы у писателя созрела мысль художественно показать идейную эволюцию казачества на протяжении решающего в истории десятилетия. Описание жизни казачьего хутора, начиная с довоенных лет, с мирного времени, понадобилось затем, чтобы вскрыть истоки контрреволюционных настроений казачества, уяснить историческую закономерность противонародного движения на Дону в годы гражданской войны. С другой стороны, писателю надо было показать, что многие положительные черты народного сознания, по-новому понятые и оцененные, коренятся еще в прошлом. Поскольку дело касалось казачьего сословия, это требовало исторического полотна с охватом, по меньшей мере, от кануна империалистической войны и до конца гражданской, до момента полного и окончательного разгрома белогвардейщины, до примирения большинства казачьей массы с советской властью.

Осуществить свой грандиозный замысел, «поднять» такую эпопею, как «Тихий Дон», было для писателя истинным творческим подвигом.

Строгий к себе и сурово требовательный, Шолохов увидел недостатки юношеского сборника рассказов. Сборник перестал удовлетворять автора. Перестало удовлетворять даже то, в чем бесспорно проявилась большая художественная сила автора: красочность языка, богатство интонаций авторской речи, высоко поэтическое восприятие и изображение природы. Шолохов ощутил острую необходимость перевести свое мастерство и в этой области, так сказать, в высший класс.

И он полностью преуспел также и в этом.

Рост писателя документирован его творческими созданиями. Всякому, кто читал книги Шолохова одну за другой, начиная с ранних юношеских рассказов и кончая последней, восьмой, частью «Тихого Дона», бросается в глаза непрерывное совершенствование мастерства писателя. В этой восходящей линии есть только одна «выемка»: второй том романа. В художественном отношении он слабее не только третьего тома, но и первого.

Теперь мы знаем, почему это произошло, мы знаем, что в последовательном развитии мастерства писателя никакой «выемки» нет: второй том в основном был написан *до* первого,

непосредственно после юношеских рассказов, и был первой пробой сил писателя в овладении новой для него тогда монументальной формой романа. Тот литературный опыт, какой успел накопить к этому времени Шолохов, художественное мастерство, каким он тогда владел, были опытом и мастерством новеллиста, автора «хроник». Вот почему во втором томе такое обилие «хроник» и внутренне замкнутых рассказов. Можно даже сказать, что по своему строению весь этот том напоминает сборник новелл, нанизанных на единый сюжетный стержень.

Второй том «Тихого Дона» охватывает важнейшие исторические события: период подготовки и проведения Октябрьской революции, корниловщину и революционизирование фронтового казачества, калединщину и развязывание гражданской войны на Дону. По первоначальному замыслу Шолохова, с этого и должен был начинаться его большой роман. Но в процессе работы замысел автора претерпел изменения. В действительности эпопея начинается с описания казачьего быта и нравов в старые, довоенные годы. Первая книга в основном есть предистория гражданской войны на Дону.

Автор показал нам: бывшая Область Войска Донского превратилась в «русскую Вандею», потому что в течение целых веков, предшествовавших революции, эта область была оплотом царизма. Действуя длительным подкупом, системой привилегий, преднамеренно обособляя казачество от остального русского народа, искусственно поддерживая темноту, царизм создал здесь заповедник реакции.

В статье «К военному положению на юге», напечатанной еще в декабре 1919 года, товарищ Сталин писал:

«В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы на окраинах?»

С малых лет казаки воспитывались в духе сословной замкнутости. Басня об особом избранничестве казаков приукрашивалась романтикой «казачьей чести», сословных традиций, обычаями, обрядами и нарядами — подобно тому, как молодой казак украшал самого себя наборным поясом, своего коня — нарядной уздечкой, свою «любушку» — пестрым полушалком. Выступавшая в столь красочном оперении идеология сохраняла в неприкосновенности обособление казачества от культурных и полити-

ческих влияний российской демократии и, вместе с тем, приглушала классовую рознь внутри самого казачьего сословия, между его верхами и низами.

В 1905 году казачье сословие выделило из своей среды целые эскадроны царских опричников, душителей революции. Позднее их видел будущий писатель — еще мальчиком. Детскими глазами смотрел он на них в родном своем хуторе и крепко запомнил. А потом художественно показал бывших карателей и усмирителей на страницах «Тихого Дона». Хвалится казак своей расправой с революционерами: «Я, браток, в тысячу девятьсот пятом годе на усмирении был. То-то смеху!» Другой казак конвоирует арестованного большевика. Диким хриплым голосом орет он: «Сиди! Зарублю!..» Впервые ему пришлось увидеть человека, который «против самого царя шел».

Почти две трети казачьего населения Области Войска Донского были неграмотны. Воспитанные в духе ненависти к рабочему классу и презрения к «мужику», казаки чувствовали себя полновластными и безраздельными хозяевами в Донской области, хотя составляли здесь меньшую половину населения. Остальное население, так называемые коренные крестьяне и иногородние, испытывали гнет со стороны казаков, пользовавшихся многообразными льготами как сословие привилегированное. В трех казачьих областях — Донской, Терской и Кубанской — распределение земельного фонда к моменту революции было таково, что на каждого члена казачьей семьи приходилось в среднем семь с половиной десятин, а на каждого члена семьи крестьян неказаков — только полторы десятины. Стало быть, казаки были обеспечены землей впятеро лучше коренных крестьян и иногородних. Не удивительно, что при такой материально-правовой основе, при оторванности от общерусской демократии, казаки были одной из наиболее реакционных сил старой России.

Но вместе с тем казак — труженик. У себя на Дону он — хлебороб, который гнул спину в поле, пахал и сеял, справляясь с хозяйством в большинстве случаев силами собственной своей семьи. Часто Шолохов в «Тихом Доне» упоминает о «черствых краюхах ладоней» казака, о «растрескавшихся от работы железных пальцах». Он рассказывает о высокомерии и барских причудах соседнего помещика Листницкого, о том, как эксплоатировал казаков, прижимал векселями хуторской крупный торговец и мукомол Мохов, о том, как брезгливо относились к простому казаку вылощенные и подтянутые господа офицеры. Несмотря на некоторые привилегии в старой армии, казак-воин оставался здесь черной костью. Все это служило источником

демократических настроений в казачьей среде, которая не была, разумеется, однородной.

Так в сознании казака-середняка реакционности противостоял демократизм, а демократизму—реакционность.

В годы гражданской войны, в условиях небывало обостренной классовой борьбы, оказались оттертыми и загнанными в дальний угол или вовсе забытыми те демократические начала, которые неотъемлемо присущи людям труда. На передний план выступила самодовольная и тупая реакционная сословность.

Отечественная буржуазия и белое офицерство получили возможность опереться на классовую заинтересованность зажиточного казачества в сохранении старых порядков и сословных привилегий. Кадеты использовали в своих целях и давнишнюю реакционность казаков, и темноту этого люда, и пресловутые его традиции «казачьей чести».

В своем историческом романе Шолохов, естественно, много внимания уделил лагерю контрреволюции, белым офицерам, буржуазии, кулакам—этим наиболее сильным экономически, наиболее влиятельным политически персонам тогдашней казачьей станицы.

Под обличающим пером Шолохова возникают один за другим угнетатели бедного люда, враги трудового народа и советской власти. И все они—один отвратительнее другого—являют вместе отталкивающее зрелище непролазной мерзости. Об отце Митьки Коршунова, кулаке Мироне Григорьевиче, сказано: «Рыжие волосы его, припомаженные топленым коровьим маслом, пахли пóтом и гниловатой прелью». Купец и мукомол Мохов нажил свое богатство эксплуатацией рабочих («двадцать ртов, что жуют по купеческой милости»), грабительскими кабальными сделками с беднотой. Мы видим, как наседает на него разъяренный гневом казак: «Пришел с векселем, гад, а теперь робеешь? То-то! И морду побью, ищи с меня! Заграбил наши казацкие права. Эх, ты, сучье вымя! Гад!»

Рядом с Моховым его компаньон Емельян Константинович Атепин, прозванный «Цацой». Бывший полковой писарь, он принес в семью душок подхалимства, и дети выстраиваются по утрам на молитву, как солдаты. Еще выведены два попа: о. Панкратий, строптивый кляузник, и о. Виссарион, гундосый от сифилиса.

«Жили,—рассказывает Шолохов,—закрывшись от всего синего мира наружными и внутренними, на болтах, ставнями. С вечера, если не шли в гости, закрючковывали болты, спускали с привязи цепных собак, и по немому хутору тарахтела лишь деревянным языком стукотушка ночного сторожа».

Перед нами возникает мир богатеев и кулаков с их кованой хваткой, векселями, бухгалтерскими книгами, преданными слугами и домочадцами.

Идет война, сперва империалистская, затем гражданская, и раскрывается вторая ипостась буржуазии—ее защитники, хранители ее собственности, офицеры, вылощенные и подтянутые, пьяные и образованные, тупые рассудительные сотники и урядники, зверюги-вахмистры с круглыми оловяшками глаз и пропойно-сиплыми голосами,—целая свора карателей и палачей.

Взгляните на Митьку Коршунова, сына кулака: «Идет Митька, играет концами наборного пояска. Из узеньких щелок желто маслятся круглые с наглинкой глаза. Зрачки—кошачьи, поставленные торчмя, оттого взгляд Митьки текуч, неуловим». Его «подвиги» начинаются с того, что он насилует дочь Мохова, а изнасиловав, пытается к ней присвататься, сообразив, что это выгодно. С фронта империалистской войны он возвращается с расширенным уже «послужным списком»: дважды был судим Митька по обвинению в изнасиловании и грабеже; на побывке дома он успел заразить жену Аникушки дурной болезнью.

О достигнутых Митькой вершинах карьеры узнаем мы в четвертом томе. Вылез-таки Митька на свою линию: карьеру он сделал, до офицерского чина дослужился в карательном отряде. Здесь он исступленно палачествует, допрашивает и вешает заподозренных в большевизме, крушит кости людям, собственноручно порет плетью и шомполами, водит на расстрел. В этом деле, говорят каратели, «Коршунова превзойти невозможно! Дракон, а не человек! Одна фамилия чего стоит!» «Соприкасаясь по роду своей службы со всеми стекавшимися в отряд подонками офицерства, с кокаинистами, насильниками, грабителями и прочими интеллигентными мерзавцами,—Митька охотно... усваивал все то, чему они его в своей ненависти к красным учили, и без особого труда превосходил учителей. Там, где уставший от крови и чужих страданий неврастеник-офицер не выдерживал,—Митька только щурил свои желтые, зеленой искрой крапленые глаза и дело доводил до конца».

Не скупится Шолохов на черные краски, чтоб обрисовать самую пакостную разновидность «мыслящей интеллигенции»,

облаченный в немецкий мундир. Играют в карты и пьянствуют офицеры на фронте империалистской войны. В годы гражданской войны они продают родину оптом и в розницу, тиранят народ, заливают страну потоками крови. Те дикие расправы, те беспримерные пытки и казни, которые в действительности чинили над коммунистами и красногвардейцами белые офицеры в исступлении классовой ненависти, показаны Шолоховым многообразно и с поразительным реализмом.

Писатель описывает их полный чувства гнева и презрения. Это предатели родины и предатели друг друга, двуногие скоты без души и совести, реставраторы—морфинисты и кокаинисты, грязная накипь, навоз, не пригодный даже для удобрения.

2. Две души Григория Мелехова

В «Тихом Доне» внимание сосредоточено в основном на нескольких семьях. Мелеховы, Коршуновы, Кошевые, Моховы, Листницкие привлекают к себе наибольший интерес. Мы видим их сперва в мирной обстановке, затем в годы войн—империалистской и гражданской, вплоть до ликвидации вооруженных банд, этих последних остатков белогвардейщины на Дону.

Каждая из перечисленных семей принадлежит к определенной социальной прослойке.

Автор, стремившийся дать картину возможно более полную и художественно законченную, не случайно выдвинул на первый план социально разнородные семьи. Он обрисовал каждую из них в отдельности и все их во взаимодействии, чтобы таким путем представить происходившие в казачьей среде процессы в наиболее типическом виде. Он прослеживает изменения, какие претерпевали эти семьи на протяжении десятилетия, судьбу семей, обусловленную войной и революцией. А история нескольких таких семей, вместе взятых, в известной мере отражает, воспроизводит историю всего казачества в течение бурного десятилетия.

Особенно знаменательны изменения, какие совершаются с главным героем романа—Григорием Мелеховым. В романе проходит перед нами вся его судьба, начиная с юношеских лет. В начале романа он—норовистый, своевольный, веселый, простой парень. На наших глазах он формируется, растет. Военная служба, бои первой империалистской войны закаляют его, но вместе с тем ожесточают его сердце. Революционные собы-

тия 1917 года, гражданская война на Дону ставят перед ним, как и перед всем казачеством, вопрос: с кем итти? Григорий ищет правды, колеблется, и его колебания исполнены драматизма.

В самой общей форме можно сказать, что колебания Григория обусловлены двойственной природой мелкой буржуазии, раздвоенностью крестьянского сознания. О классовой физиономии мелкого производителя, об его экономической и политической сути есть много ценнейших высказываний у Ленина. Напомним хотя бы такие его строки:

«Пролетарий говорит мелкому крестьянину: ты — сам полупролетарий; иди *за* рабочими, иного спасения тебе нет.

Буржуа говорит мелкому крестьянину: ты — сам хозяйчик, «трудовой хозяин». Трудовое хозяйство «растет» и при капитализме. Твое дело хозяйское, а не пролетарское.

Две души в мелком хозяйчике: пролетарская и хозяйская» (т. XVII, стр. 308).

Ленин прямо писал о двух душах в одной груди земледельца, мелкого хозяйчика. Это относится, конечно, и к Григорию Мелехову. Но плохо понял бы Ленина тот, кто сделал бы отсюда вывод, будто эти две живущие в сознании мелкого производителя души находятся в постоянном гармоническом равновесии. Наоборот! Обе души жестоко враждуют между собой, и каждый раз берет верх то одна, то другая сторона.

В первые месяцы после Октября фронтовое казачество (в том числе и Григорий Мелехов) было настроено революционно. Но по мере углубления революции, по мере обострения классовых противоречий в деревне, позиция Григория Мелехова меняется. Определяющим для этой позиции становится вопрос о сословных привилегиях казачества, о сохранении изрядного земельного надела казака. В этом нетрудно убедиться, проследив начальный, исходный этап колебаний Григория в промежутке от кануна революции до весны 1918 года.

Первое пробуждение политической мысли Григория произошло под влиянием опостылевшей и бессмысленно утомившей войны за совершенно чуждые народу интересы. Нужен был только толчок, его дал Гаранжа, и пробудилась мысль, она взбудоражила придавленный простой бесхитростный ум Григория. Но он едет на побывку домой, окунается в атмосферу старого, кондового казачьего быта. Добытый Григорием на войне георгиевский крест вызывает здесь всеобщий восторг. И мы видим: сладкий яд лести, почтительности, восхищения постепенно губит, вытравливал из сознания семена той правды, которую посеял в

ком Гаранжа. Пришел с фронта Григорий одним человеком, а ушел другим. Свое, казачье, всосанное с материнским молоком, кохаемое на протяжении всей жизни, взяло верх над большой человеческой правдой».

Вернувшись на фронт, Григорий оказался под влиянием Чубатого, который говорил: «нам, казакам, нужна своя власть», «нужен твердый царь», «с мужиками нам не по дороге». А там пошли новые награды, производство в хорунжие. После Октябрьского переворота Григорий подпадает под влияние Изварина. Это—офицер, сын зажиточной казачьей семьи, заядлый казак-автономист, самостийник, ведущий агитацию за полную автономию Войска Донского.

Отрезвляющее воздействие на Мелехова оказала встреча с вождем красного казачества Подтелковым: «...столкнулся Григорий с Федором Подтелковым; и после недолгих колебаний вновь перевесила в его душе прежняя правда». На съезде фронтовиков в Каменской произвела на Мелехова впечатление речь шахтера: «Григорий и остальные почувствовали силу чужого убеждения». И в январе 1918 года мы видим Григория во главе дивизиона из трех сотен казаков в боях против Каледина.

После ранения он опять на побывке дома, и повторяется все прежнее, но на этот раз поворот к старине носит уже решающий характер: на очередь стал вопрос о дележе земли, и здесь, можно сказать, собака зарыта. Григорий спорит с отцом и братом, говорит: «Я за советскую власть», «Иногородним, коренным, какие в Донской области живут издавна, дадим землю».

И тогда происходит прехарактерная сцена:

— А шиша им! Вот им выкусить!.. — Пантелей Прокофьевич сложил дулю; дергая большим когтястым пальцем, долго водил вокруг григорьева горбатого носа».

И эта фига произвела на Григория свое вразумляющее действие: хозяйчик взял в Григории верх. Когда накануне объявления белыми мобилизации в хуторе Валет и Мишка Кошевой зовут Григория вместе с ними прорваться к красным, то этот вчерашний командир красного дивизиона отказывается итти и, «хищно оголяя плотные кипенные зубы», кричит: «Тебе можно языком трепать... Как был ты Валет, так и остался им! *У тебя, кроме пинжака, ничего нету...*»

Григорий остается в хуторе и по мобилизации вступает в белую армию. На хуторском сходе его даже чуть было командиром не избрали, но объявили отвод: был, мол, в большевиках.

В январе 1918 года Григорий командовал красным дивизионом, а в апреле того же года он выступает перед нами уже как свидетель и моральный соучастник предательской и зверской расправы станичников с подтелковским отрядом. Слова Подтелкова, которого ведут на казнь: «И ты тут, Мелехов?» — звучат классически: они воспроизводят в памяти образ Иуды-предателя.

Григорий вступил в контрреволюционную Донскую армию. Идут непрерывные бои, и он испытывает «острое чувство огромного ненасытного любопытства к большевикам, к этим русским солдатам, которые поддержали советскую власть и стремились, как думал он, к захвату казачьих земель и угодий». И дальше читаем: «Григорию иногда в бою казалось, что и враги его — тамбовские, рязанские, саратовские мужики — идут, движимые таким же ревнивым чувством к земле. «Бьемся за нее, будто за любушку»,—думал Григорий».

По социальному своему положению и классовым устремлениям Григорий Мелехов напоминает тех крестьянских депутатов государственной думы хозяйчиков, которые говорили Пешехонову: «Нас послали получить землю, а не отдать ее». В 1906 году Ленин откликнулся на этот лозунг статьей «Эсеровские меньшевики», в которой писал:

«Какой же вывод должен был сделать тот, для кого социализм не пустая фраза, из этих слов разумного, выбранного массой, хозяйственного мужичка? Очевидно, такой вывод, что носителем социализма подобный класс хозяйчиков быть *не может;*—...что социалист *обязан* не затушевывать, а *вскрывать* противоречие интересов всей рабочей массы и этих хозяйчиков, которые желают усилить и укрепить *свое* хозяйское положение, будут враждебны всякой идее об отдавании земли или чего бы то ни было массе бесхозяйных, нищих, голытьбе. «Мы хотим получить землю, а не отдать ее»! Может ли быть более рельефное выражение мелко-буржуазных собственнических инстинктов и вожделений?» И Ленин продолжает: «Г. Пешехонов смекает, может быть, что между желанием «получить землю, но *не отдать ее» и монархией* существует некоторая *материальная* связь. Чтобы «не отдать», нужно *защищать*. А монархия ведь есть не что иное, как наемная полицейская охрана тех, кто желает «не отдать», от тех, кто *способен* взять» (т. X, стр. 71—73).

Казаки-хозяйчики и были тем сословием, которое имело жирные паи земли, пользовалось привилегиями и не хотело всего этого отдавать голякам—коренным крестьянам и иногородним.

Вместе с тем казачество, организованное в военное сословие, на протяжении целых веков само исполняло роль военной и полицейской охраны «тех, кто желает «не отдать», от тех, кто *способен* взять».

Немудрено, что помещики, крупная буржуазия, генералитет и белое офицерство — все реакционные силы старой России обосновались на Дону, превратили казачью область в плацдарм для формирования контрреволюционной армии и пытались использовать казачье население, как испытанную полицейскую силу, для похода на «крамольную» советскую Москву.

Григорий Мелехов не только хозяйчик, он же одновременно и труженик. Собственническому вожделению противостоит в его сознании демократическое самочувствие, глубоко присущее людям труда. Оно выражено в характере Григория во многих его положительных чертах.

Григорий восстает против патриархальщины, отвергает деспотическую власть отца в семье. Некоторые сословные и обывательские предрассудки казачьей среды чужды ему. С Аксиньей он живет почти открыто. Любовь он ставит выше церковного брака. Во имя этой своей любви он рвет с отцом и -сын зажиточной казачьей семьи- нанимается батраком к помещику, не зная чванливости, не брезгая и батрацким трудом.

К женщине Григорий проявляет ласковое, бережное, глубоко человеческое отношение.

Во время родов Аксинья, застигнутая в пути, мучается в схватках на тряской повозке:

«— Я, Гриша, помираю. Ну... вот и все!

Григорий дрогнул. Внезапный холодок дошел до пальцев на конных ногах. Он, потрясенный, искал слов бодрости, ласки и не нашел, с губ, схваченных черствой судорогой, вырвалось:

— Брешешь, дура!..- мотнул головой и, нагибаясь, перегнувшись набок, сжал легонько подвернувшуюся аксиньину ногу.—Аксютка, горлинка моя!..»

Вне себя Григорий гонит лошадь, а когда ребенок родится, он перегрызает пуповину и трясущимися руками завязывает узелок.

Проявление нежности волнует тем сильнее, что она скупа, что прорывается она с большей непосредственностью сквозь грубость.

Своей официальной жены, Натальи, Григорий не любит, но он не терзает ее, не отводит на ней сердца, как это делают все

кругом. Он прямо и искренне говорит ей о своих чувствах и просит не гневаться. Когда у Натальи родятся дети, Григорий горячо привязывается к ним. И Шолохов с большим художественным тактом показывает, как глубокое отцовское чувство к детям родит в Григории привязанность к их матери. Известие о несчастии с Натальей потрясает его. Он перестал слышать звук собственных шагов, «острая боль иглою вошла в его сердце», он почернел от страдания. Постаревший и бледный, он едет с фронта домой, к мертвой Наталье. Встреча с осиротевшими детьми, отчужденность к Аксинье, поведение самой Аксиньи, которая с присущим ей умом и тактом избегала в это время встреч с Григорием, так как «женским чутьем распознала его настроение»,—все это говорит о высокой человечности Григория в его отношении к женщине и к детям.

Рыцарски он оберегает женскую честь. Двусмысленный намек по адресу Аксиньи позволил себе Петр, и это вызвало в молодом Григории такой приступ гнева и ярости, что он метнул вилы в брата и едва не убил его на месте. Он готов ринуться в бой, один против целого взвода казаков, когда они насилуют Франю. Кнутом по лицу хлещет он молодого барина, сотника Листницкого, за его сожительство с горничной Аксиньей.

Тоска Григория по крестьянскому труду, желание поскорее пить винный запах весенней, поднятой плугом земли, острое ощущение природы и слитность с нею, любовь к казачьей народной песне, способность очаровываться ею говорит о внутренней близости Григория к демократической традиции.

Множество поступков, свидетельствующих о героизме, благородстве, великодушии, гуманности, совершает Григорий на всем протяжении романа. Сам раненный на фронте, он спасает полковника, командира драгунского полка, выносит его из линии огня. «Григорий тащил его на себе, падал, поднимаясь и вновь падая. Два раза бросал свою ношу и оба раза возвращался, поднимал и брел, как в сонной яви».

На фронте же Григорий, повинуясь сердцу, спасает от смерти личного своего врага, Степана Астахова. Позже, в годы гражданской войны, приехав после боев в станицу Вешенскую, Мелехов узнает, что белые какого-то старика за сына посадили. Взбешенный, он скачет в тюрьму и самочинно освобождает всех арестованных — около ста человек. Большевик Михаил Кошевой казнил Петра Мелехова, брата Григория. Но, когда Кошевому грозит опасность расправы, Григорий в разгар наступления бросает дивизию, которой командует, мчится спасать друга своих

юных лет—Мишку. «Кровь пролегла промеж нас,—думает он,—но ить не чужие же мы...»

Безудержный гнев и презрение вызывает в Григории всякое проявление жестокости или несправедливости, трусости или слабодушия. И, напротив, резкое проявление непреклонности и мужества в отстаивании своих идей родит в нем чувство искренней симпатии. В годы гражданской войны Григорий провел много времени в кругу белых офицеров и бандитов, часто бывая невольным свидетелем палаческих допросов и зверских издевательств, какие учиняло офицерье над пленными красноармейцами. Видел казак, сколько героизма и стойкости проявляют большевики, оказавшись безоружными в лапах белых изуверов. И неизменно в подобных случаях симпатии Григория на стороне красных. Наблюдая, с каким огромным присутствием духа и достоинством держит себя красный командир на допросе, Мелехов с удовлетворением отмечает про себя: «Здорово отшивал он полковничка». В некоторых случаях Григорий прямо выступает в защиту допрашиваемых и тем вызывает резкое недовольство господ офицеров.

Чувствует себя Мелехов врагом всякой несправедливости. Приниженность человека для него—самое худшее зло. Революция выпрямила гордость в людях. Это благотворное влияние революции ощутили на себе многие казаки, персонажи романа «Тихий Дон». Григорий в данном случае, как и во многих других, выражает разлитые вокруг него настроения с особенной яркостью и отчетливостью.

Патриотизм—одна из самых действенных черт в облике казака Григория Мелехова. Империалистическая война была войной захватнической и несправедливой. Но не подлежит сомнению, что высокой доблестью и героической беззаветностью Мелехова в этой войне двигало патриотическое чувство, как он его субъективно воспринимал. Патриотическое чувство руководило Григорием, когда он в рядах буденновской конницы совершал подвиги в войне с белополяками. Не оставляет его то же чувство и в годы гражданской войны: присутствие на Дону интервентов вызывает в Григории бешеное раздражение. «...Я бы им на нашу землю и ногой ступить не дозволил»,—говорит он.

Григорий Мелехов—одаренный, самобытный человек, тонко чувствующий, несмотря на свою малограмотность. Он сочетает в себе черты индивидуальные, фамильные, классовые в том органическом переплетении, какое свойственно живому, худо-

жественно-обобщающему образу классических произведений мировой литературы.

Мелехов не представительствует ни мелкой буржуазии в целом, ни крестьянства в целом, ни донского казачества в целом, ни даже середняков Дона огулом. Герой художественного произведения — не схема, и потому не может и не должен быть ходячим воплощением целого класса.

Но живой герой художественного произведения вместе с тем не есть и надклассовое существо, витающее где-то между небом и землей. Он принадлежит к определенному классу и выражает те или иные присущие этому классу черты, склонности, тенденции.

Чацкий, Онегин, Печорин, Бельтов, Обломов, Рудин и Лаврецкий, Левин и Нехлюдов принадлежали к классу помещиков, Артамонов и Егор Булычев к классу купцов. Но кому же придет на ум мысль, будто каждый из этих образов представительствовал *весь* свой класс! А к образу Григория Мелехова иные критики предъявляют именно такое, ни с чем несообразное требование.

Григорий Мелехов, по их мнению, должен был бы в своей личной судьбе повторить во всей исторической последовательности судьбу всего среднего казачества в целом. Иначе, мол, образ лишается своей обобщающей силы.

В искусстве широта обобщения достигается вовсе не таким путем. Обломов *не* представительствовал поголовно всех помещиков России в дореформенную эпоху; в своей личной судьбе Обломов не воспроизвел в точности судьбы всего своего класса. Можно ли отсюда сделать вывод, будто образ Обломова узок? Черты обломовщины, возникшие в определенной исторической обстановке (российское крепостничество накануне крестьянской реформы) и коренившиеся в определенной социальной среде (помещичьей), эти черты встречаются и в другие времена и среди людей других классов. Так понимал обломовщину Ленин и неоднократно иллюстрировал свои выступления этим художественным образом.

Та раздвоенность сознания, которая выражена в образе Григория Мелехова, тоже проявилась в определенной исторической обстановке (гражданская война на Дону), коренится в определенной социальной среде (среднее казачество). Что эта обстановка и эта среда в огромной степени способствовали полному проявлению и резкому столкновению двух противоположных душ в груди мелкого хозяйчика — несомненно. Но столь же очевидно, что не каждый средний казак в годы гражданской войны был

Мелеховым, как и не каждый помещик был обязательно Обломовым. Сама суть образа Мелехова, как и Обломова, не исчерпывается только их классовой принадлежностью.

Иные читатели в своем понимании образа Мелехова впадают в противоположную крайность. Они сводят все дело к чертам индивидуального различия Григория от остальной казачьей массы. Он кажется им интересным постольку, поскольку он не похож на эту массу и представляет собой исключение из нее. Такой взгляд находит себе опору в том, что Григорий, действительно, в умственном и моральном отношении возвышается над средним уровнем жителей хутора Татарского. Уход Григория в банду к Фомину—тоже явное исключение из общего правила. И положительными и отрицательными своими чертами Мелехов на самом деле во многом отличается от окружающей его среды.

Но, если сосредоточить все внимание на одних только признаках индивидуального различия Григория от остальной казачьей массы, а все упустив из виду черты его сходства с этой массой, его типичность, то возникают недоуменные вопросы, один каверзнее другого. Стоило ли огород городить, стоило ли бесспорно талантливейшему советскому писателю отдать четырнадцать лет своей творческой жизни, более 90 печатных листов лишь затем, чтобы главным героем романа вывести человека, вовсе не типичного для своей среды? Неужто имело смысл тратить столько сил на обрисовку героя, который представляет собой единичное исключение? Неужто случайная биография привлекла бы такой живой интерес читателя? Ошибочна мысль, будто герой литературного произведения может быть от начала и до конца единичным исключением, простой случайностью. Одни только индивидуальные признаки литературного героя явно недостаточны для его понимания, как и одни только признаки общеклассовые.

Литературный тип есть одновременно и некоторая общая идея и единичная индивидуальность. Художественное мышление есть обобщение особого рода. Здесь общая идея выступает не в своей отвлеченности, а живет исключительно в форме конкретной индивидуальности. Писатель, лишенный способности воплощать свою идею в живой образ или в полнокровный человеческий характер, вовсе не художник.

В лучших своих созданиях искусство изображает индивидуальность, богато наделенную многообразными чертами, над которыми господствует одна определенная черта, например: у Шекспира—ревность Отелло, скупость Шейлока, лицемерие Анджело,

у Гончарова лень и безволие Обломова. Основная черта в характере героя, отражающая какую-нибудь сторону действительности, обобщающая известное единичное явление или тенденцию в развитии общества, и составляет главный идейный заряд художественного образа, его пафос. Правильно осмыслить литературный тип—значит вскрыть его главную движущую пружину, раскрывать его идейный заряд, обнажить его пафос.

Мы установили мелкобуржуазную раздвоенность сознания Мелехова, но ведь не всякая мелкобуржуазность есть мелеховщина. Надо итти дальше, нужно определить своеобразие той разновидности мелкобуржуазного сознания, которая воплощена именно в образе Мелехова.

На донских дорогах, рассказывает Шолохов, обычными в довоенные годы были такие перебранки:

«Эй, хохол! Дорогу давай! На казачьей земле живешь, сволочуга, да ишо дорогу уступить не хочешь?»

«Тут драки, — прибавляет писатель, — начинались безо всякой причины, просто потому, что «хохол», а раз «хохол» — надо бить».

Одна из таких драк — чудовищное побоище казаков с таврическими. Возникает спор об очереди к помолу зерна. Это достаточный повод для того, чтобы бить «хохлов».

Вооруженные кольями и оглоблями, железными ломами и болтами, с диким ревом несутся казаки на «противника». В итоге побоища—проломанные головы и увечья.

После драки происходит такой характерный разговор между революционным рабочим Штокманом и казаком Афонькой Озеровым. Афонька говорит, что «хохлы, они огромадно сердитые», и Штокман его спрашивает:

«— А ты кто?

Тот презрительно цвиркнул через скважину щербатого рта и, проследив за полетом слюнной петли, отставил ногу.

— Я-то казак, а ты не из цыганов?

— Нет, мы с тобой обое русские.

— Брешешь!—раздельно выговорил Афонька.

— Казаки от русских произошли. Знаешь про это?

— А я тебе говорю—казаки от казаков ведутся.

— В старину от помещиков бежали крепостные, селились на Дону, их-то и прозвали казаками.

— Иди-ка ты, милый человек, своим путем, — сжимая запухшие пальцы в кулак, сдержанно-злобно посоветовал Алексей безрукий и заморгал чаще.

— Сволочь, посельщик!.. Ишь, поганка, в мужиков захотел переделать!

Несколько молодых казаков — люди преимущественно передовые, идейно-неустойчивые — собираются у Штокмана, он просвещает их, ведет с ними политические беседы. Однако и тут один казак говорит другому:

«— Ты обмужичился, Христан, не спорь, что там... В тебе казацкой крови — на ведро поганая капля. Мать тебя с воронежским яишником прижила».

Это говорит уже передовой казак, пролетарий, машинист Иван Алексеевич, будущий большевик. Но... въелись и проросли сквозь каждую клетку его костистого тела казачьи традиции.

А дальше такой «обмен мнений»:

— Молчи уж, мужик!

— А мужики аль не люди?

— Так они и есть мужики, из лыка деланные, хворостом скляченные».

Вот эта-то реакционная традиция сословности, всосавшаяся и проросшая сквозь каждую клетку тела, особенно глубоко сидела в Григории Мелехове. Уже первый отход Григория от посеянных в его сознании Гаранжей революционных идей произошел под влиянием сословной традиции. Во время побывки Григория в хуторе взяло верх чувство, казачье, всосанное с материнским молоком, пронесенное на протяжении всей жизни. Эти настроения чем дальше, тем усиливались все более. Недаром Григорий был так восприимчив к проповеди казака-автономиста Изварина, а затем под знаменем сепаратизма вел борьбу в тылу красных.

Мы проследили раньше первый цикл колебаний Григория (до весны 1918 года). Он завершился припадком классовой ярости: дикими выкриками Мелехова по адресу богатыря революции Подтелкова, которого ведут на казнь.

Второй цикл завершается весною 1919 года, когда верхнедонцы, а вместе с ними Григорий организуют восстание в тылу Красной Армии.

Неотразимое впечатление производит на Мелехова речь старика, посланца хутора Кривского. Поднимая казаков на восстание, старик кричит: «Что же вы стоите, сыны тихого Дона?! Весь Еланский юрт поднялся с малу до велика. В Вешенской выгнали красных... а вы, рыбинские казаки? Аль вам жизня дешева стала? Али вместо казацкой крови мужицкий квас у вас в жилах? Вставайте! Возьмитесь за оружию!.. На конь, казаки, покуда не поздно!..» и т. д. Под впечатлением этой речи проры-

вается наружу то, что давно копится в душе Григория. Ослепленный слепой ненавистью, он думает: «Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда. Биться с ними! Насмерть рвать у них из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю. Гнать их, как татар, из пределов области! Тряхнуть Москвой, навязать ей постыдный мир!..» И третий, последний цикл, завершающийся уходом в банду Фомина. Это было опять-таки в решающий момент (а тогда только и проверяются люди по-настоящему), весною 1921 года. В эту пору нашли себе исход «кронштадтские настроения», и в разных местах страны возгорались очаги контрреволюционных мятежей. Момент был решающий и в ходе революции и в личной судьбе Мелехова. Тут, на новом этапе, он повторил то самое, что проделывал раньше, в 1919 году, во время вёшенского восстания, только силы революции к этому сроку окрепли, а вера Мелехова в победный исход, в соответствии с этим, убавилась. Вся борьба Григория в годы гражданской войны проникнута пафосом сословности.

Классовый интерес выступает у Мелехова не в открытом, голом виде, а приукрашен возвышающей романтикой. Григорию кажется, будто он охраняет не материальные свои интересы, не прозаические льготы казачьего привилегированного сословия. Он считает себя идейным борцом, который самоотверженно отдает свою жизнь за священные казачьи традиции, борется за правое дело, за казачью честь! Наедине с самим собою Григорий думает: «Вотчину Дон татары обижали, а теперь Русь. Чужие они мне и всем-то казакам». Эта идеалистическая надстройка над классовым интересом и вдохновляет героя романа, служит ему моральной опорой в антинародной борьбе, в которой он участвует.

Григорий Мелехов искренне верит в чистую идейность своих побуждений. Эта вера тем сильнее, что он чувствует себя человеком бескорыстным. Да и действительно, по складу своего характера, он наделен многими положительными чертами.

Выгодно выделяется Григорий искренностью, бескорыстием. Борьба, которую он ведет против Красной Армии и советской власти, антинародна и преступна, но он смотрит на дело с позиций реакционной сословности. Ему чудится, будто он отстаивает «казачью честь». В этой уверенности Мелехов воюет, не страшась сам смерти, не щадя жизни вверенных его командованию казаков. Он лезет в огонь, под пули и шашки, не задумываясь и не оглядываясь. Во время «отступа» попытался было уклониться от участия в боях родной отец Григория Пантелей Про-

кофьевич. Он бросил окопы и вместе с другими казаками бежал в панике. Но не пожалел Григорий и старика, заставил вернуться на передовую линию огня.

Для каждого непредвзятого читателя «Тихого Дона» очевидно, что Григорий Мелехов — фигура не выдуманная, что отражает она какое-то жизненное явление. Ясно и то, что «список благодеяний» Григория Мелехова, все его положительные черты — только половина характеристики героя, по которой нельзя судить о целом. «Списку благодеяний» противостоит не менее внушительный список преступлений. Собственно, вся деятельность Григория в годы гражданской войны (за небольшими изъятиями) — одно сплошное преступление перед революцией, советской властью, народом.

Как же возможно совмещение в одном человеке положительных моральных качеств с политической преступностью против народа? На этот вопрос, как и на многие другие, мы находим ответ опять-таки в собрании сочинений Ленина, в этой великой энциклопедии большевистской мысли.

«Как бы искренни ни были отдельные лица из эсеров и меньшевиков, — писал Ленин, — их основные политические идеи... представляют из себя объективно именно мелкобуржуазный самообман или, что то же, обман масс («большинства») буржуазией.

...И конечно... этот обман можно правильно понять, лишь выяснив его классовые корни и его классовое значение. Это не личный обман, не «жульничество» (выражаясь грубо), это обманчивая идея, вытекающая из экономического положения класса. Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него *экономически быть не* может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой» (т. XXI, стр. 52—53).

Григорий Мелехов исполнен демократического самочувствия, но в практике своей служит дворянско-буржуазной контрреволюции. Он патриот, но все же мирится с хозяйничаньем интервентов на его родине. Он таит в себе высокие нравственные начала, но служит безнравственному подавлению освободившегося народа.

В основе всех его контрреволюционных действий лежит бес-

сознательный классовый интерес привилегированного сословия, приукрашенный (то есть усугубленный) сословной романтикой, старинными предрассудками, обманчивой идеей. Это не частный, индивидуальный случай казака Григория Пантелеевича из семьи Мелеховых, проживающей в хуторе Татарском, Вешенской станицы, Донской области. Нет! Для казачьей среды в годы гражданской войны такой самообман — явление типическое.

Что зверюга-помещик, в мирной жизни кулак, служит контрреволюции,—вполне естественно. Но мы знаем, что в годы гражданской войны буржуазией была обманута и часть трудового казачества.

Художнику надо было показать, почему и как это случилось с людьми из народной массы, несмотря даже на их моральную чистоту и высокую одаренность, потому что личное душевное благородство не страхует от политических преступлений.

В образе Мелехова показана двуличность одного из своеобразных отрядов мелкой буржуазии. В груди героя романа сожительствуют и бурно сталкиваются две души: одна—трудовая, другая—«хозяйская».

Шолохов в одном месте (в третьем томе) примерно этими словами и определяет душевное состояние своего героя: «И оттого, что стал он на грани в борьбе двух начал, отрицая оба их, — родилось глухое, неумолчное раздражение». Однако, мысленно отрицая как будто оба начала, предаваясь колебаниям, мечтая о третьем пути для родного казачества, Григорий *на деле* становится пособником только одного из двух борющихся лагерей—контрреволюционного. Именно это начало является ведущим в его политической биографии, взятой как целое. В конце своей судьбы, в разгар черносотенных настроений, Мелехов, павший так низко, что вступил в контрреволюционную банду Фомина, обнаружил в наиболее резкой форме истинную суть своих колебаний. О колебаниях такого рода Ленин и писал после кронштадтского восстания: *колебания, выгодные для Милюкова* (т. XXVI, стр. 348).

Высокие моральные качества Григория шли от воспитавшей его казачьей народной массы, шли от демократизма трудового казачества. А на путь контрреволюции его толкали присущие тому же среднему казачеству бессознательный классовый эгоизм мелкого хозяйчика, сословные предрассудки, *обманчивая идея* о возможности «третьего пути».

Сила Григория—в его высоких моральных качествах, слабость в том, что он—ратоборец сословности и казачьих привилегий. Сила—в демократизме, слабость—в реакционности.

Среднему казаку предстояло перешагнуть через свою сословность и влиться в общий поток русского крестьянства.

Добровольно или принудительно?—такова была альтернатива, поставленная перед ним историей. Идеология сословности толкала его на путь контрреволюции. Народность была точкой соприкосновения со всей русской крестьянской демократической массой, дверью для перехода на позиции советской власти. В эту дверь и вошло казачество, Григорий вошел в другую: вступил в банду Фомина.

Если охватить одним взглядом всю проделанную Григорием Мелеховым «кривую» от начала до конца, то бросится в глаза, что вначале Григорий в своих чувствах и поступках с точностью барометра отражает настроения основной казачьей массы, а под конец представляет собой отрезанный ломоть, отщепенца, которого казачья масса вытолкнула из своей среды как чужеродное тело.

Из месяца в месяц тают силы фоминовской банды, прекращаются пополнения людского состава, хуторяне перестают оказывать бандитам всякую помощь; встречают их с каменными лицами, исподлобными взглядами, холодом отчужденности. Тем самым казачество возвращается в семью революционных народов своей великой родины, а реакционная традиция сословности вместе с ее образным воплощением в лице Григория Мелехова приходит к своему естественному концу.

На последних страницах последней части романа описан уход Григория из фоминовской банды. Надо было принести корм лошадям, и он пошел в ближний двор, попросил у старухи косу, чтобы скосить немного травы. Та, подумав, отвечает:

«— И когда уж вы с нашей шеи слезете? То вам дай, это подай... Не дам я тебе косы! Как хочешь, а не дам...

...Григорий разыскал под сараем старенькую щербатую косу, и когда проходил мимо старухи—отчетливо слышал, как та проговорила: «Погибели на вас, проклятых, нету!»

К этому было не привыкать Григорию. Он давно видел, с каким настроением встречают их жители хуторов. «Они правильно рассуждают, -думал он, осторожно взмахивая косой и стараясь выкашивать чище, без огрехов.—На черта мы им нужны? *Никому мы не нужны, всем мешаем мирно жить и работать. Надо кончать с этим, хватит!*» (Курсив мой.—*И. Л.*)

Молчаливое осуждение со стороны непосредственно близкого, родного казачьего народа—вот что было для Григория решающим моментом. Оно было решающим материально: без поддержки

со стороны казачества немыслимо было продолжать борьбу. Оно было решающим и морально.

Уходя из банды, Григорий оглядел хутор, где стояли фоминовцы. Хутор лежал перед ним пустой, словно вымерший. Никого здесь не было, кроме фоминовцев.

«Такое же безлюдье и такие же следы поспешного бегства жителей видел Григорий, когда казачьи полки ходили по Восточной Пруссии. Теперь довелось ему увидеть это же в родном краю... Одинаково угрюмыми и ненавидящими взглядами встречали его тогда—немцы, теперь—казаки Верхнего Дона. Григорий вспомнил разговор со старухой и тоскливо оглядевшись по сторонам, расстегнул ворот рубашки. Опять подступила к сердцу проклятая боль...»

Это был конец мелеховщины в казачьем народе, конец судьбы самого Мелехова, а стало быть, и конец всей эпопеи—одновременное завершение и исторического и художественного цикла. Тут—рубеж. Дальше начинается уже действительно советское казачество, ходом революции приведенное к колхозному строю. На смену Григорию Мелехову идет Кондрат Майданников, на смену «Тихому Дону»—«Поднятая целина».

3. *Наши люди*

Белогвардейщине, классовым врагам противостоит в «Тихом Доне» наши, советские люди, революционеры, партийцы: вольноопределяющийся Бунчук, юноша Андрей Гаранжа, вождь красного казачества Федор Подтелков, слесарь Штокман, машинист Иван Алексеевич Котляров, рабочий Валет, партработник Абрамсон, работница Анна Погудко, Михаил Кошевой, комиссар Лихачев, беззаветные герои-красноармейцы.

С большой любовью изображены у Шолохова наши люди, хотя не всегда исторически и художественно верно (например, Подтелков), не всегда достаточно полнокровно и ярко (например, Бунчук, Штокман).

Изображая «русскую Вандею», писатель в центр своего художественного полотна поставил семью Мелеховых. Это естественно. Однако автор, захваченный изображением этих людей, сосредоточил свое внимание почти целиком на них одних. Большевики оказались редкими гостями в романе...

Здесь наиболее живая и полнокровная фигура большевика—это Мишка Кошевой. Он проходит через все четыре тома «Ти-

хого Дона». На первых страницах первой части романа мы видим его еще восьмилетним мальчонкой в непомерно большом отцовском картузе. Приседая на одной ноге, Мишка пронзительно верещит: «Дождюк, дождюк, припусти...» Мы видим дальше, как рос и оформлялся казачок, как стал он большевиком. Перед нами проходит весь его путь и в империалистскую и в гражданскую войну — вплоть до последних страниц последней части романа.

Полнокровно любит жизнь Мишка Кошевой, с юношеским азартом стремится к ее радостям. На германском фронте, в ночной час, он делится с приятелем задушевными своими чувствами: «Я, парень, жадный до жизни стал — как вспомню, сколько на свете красивых баб, аж сердце защемит! Вздумаю, что мне их всех сроду не придется облюбить,— и кричать хочу с тоски! Такой я нежный до баб стал, что каждую бы до болятки миловал...» Кошевой, запрокинувшись на спину, молчал, долго глядел в синюю пустошь и, мечтательно улыбаясь, волнующе-нежно ласкал руками похолодевшую, неприступно-равнодушную землю».

Начало третьего тома «Тихого Дона», где описаны так называемые «отводы» — целинная, заповедная степь, отведенная под попас жеребцов с матками, табуны диких красавцев-коней и работа Кошевого атарщиком,— одно из наиболее поэтических мест в романе. Мишка упоен окружающим привольем и красотой, отдыхает после недавно пережитых потрясений. Но недолго длились и этот отдых и состояние отрешенности. Уже к концу недели Мишка думает: «Там люди свою и чужую судьбу решают, а я кобылок пасу. Как же так? Уходить надо, а то засосет».

По своей натуре Мишка склонен к лиризму и мечтательности, горячая кровь толкает его навстречу радостям жизни, но он каждый раз тормозит эти свои чувства. Так было на «отводе», так было по возвращении в родной хутор. После долгих лет империалистской и гражданской войны, после многих ранений («удостоверением» Мишки служит пробитый вилами бок и низ живота), после мучительных приступов лихорадки осуществляется, наконец, давнишняя мечта Кошевого: он женится на Дуняшке, которую крепко любит с самых ранних лет. Совместная жизнь с Дуняшкой в доме Мелеховых, дружба с маленьким Мишаткой, работа по хозяйству наполняют Кошевого ощущением покоя и жизнерадостности. Но он видит, как ведут себя вернувшиеся из концентрационных лагерей и рудников казаки, примечает настроение хуторян и с досадой думает про себя:

«Рановато я взялся за хозяйство, поспешил...» Крайне огорчен Кошевой, что по болезни его не принимают вновь в Красную Армию. Получив назначение председателем хуторского ревкома, Кошевой возвращается из станицы в Татарский, принимает дела,—и вот первая мысль о себе: «Боже мой, каким же сукиным сыном был он все это время, когда рылся в земле, не поднимая головы и по-настоящему не вслушиваясь в то, что творилось кругом... Стиснув зубы, Кошевой говорит: «Я вам, голуби, покажу, что́ такое советская власть!»

Повышенное чувство революционного долга, беспощадная ненависть к «казачьей спеси и казачьему вероломству», огромное упорство живут в Мишке Кошевом. «На врагов, какие зря на белом свете живут, у меня рука твердая!»—говорит он. Его заботливое отношение к боевым товарищам, к Штокману, Ивану Алексеевичу, Валету, его ласковость к женщине, теплота и нежность завязывающейся его дружбы с мальчиком Мишаткой говорят о том, что ненависть Кошевого к врагам есть другая сторона его любви к народу.

В романе подробно показано, как разошлись дороги друзей ранних лет—Михаила Кошевого и Григория Мелехова. Еще в третьем томе, незадолго до вешенского восстания, имел Григорий откровенный разговор с Михаилом, и это были речи «завтрашнего врага». После разговора Мишка сокрушался: «Ить мы с ним корешки, в школе вместе учились, по девкам бегали, он мне—как брат..., а вот начал городить, и до того я озлел, ажник сердце распухло, как арбуз в груде сделалось. Трусится все во мне! Кубыть отнимает он у меня что-то, самое жалкое. Кубыть грабит он меня! Так под разговор и зарезать можно. В ней, в этой войне, сватов, братов нету. Начертился—и иди!» После этого Мишка составил список врагов советской власти, подлежащих аресту, и включил в него своего бывшего друга. Против его фамилии он сделал пометку: «Подъесаул, настроенный против. Опасный!» И автор тут же добавляет от себя: «Жалость и ненависть к Григорию Мелехову переплели мишкино простое сердце...» Нарастание ненависти Кошевого к Мелехову убедительно показано в последних двух томах романа.

В последней части Кошевой настаивает на аресте Мелехова, и настаивает совершенно правильно. Ведь почему Мелехову не доверяли в Красной Армии и он демобилизовался? По-видимому, проходя в Новороссийске фильтрационную комиссию еще до вступления в Буденновскую конармию, Григорий скрыл свою роль в восстании против советской власти в 1919 году, и это стало известно. Он возвращается домой, но здесь люди хорошо

знают о всех его былых «подвигах», и местные представители советской власти ему тем более не доверяют. Классовая борьба тем временем обостряется на Дону, кругом погуливают банды, опять выплыл Махно. Нарастающее поблизости от хутора Татарского новое восстание не могло не вовлечь в свою орбиту и Григория, несмотря на его слова: «умерился душою страшно». Политически-то ведь он остался на тех же позициях, на каких был и накануне восстания в 1919 году, повторяет он почти дословно те же речи. И Мишка Кошевой, которому приходится уже спать с винтовкой, поступает совершенно правильно: слишком много горючего материала вокруг, и логика борьбы требует изоляции бывшего вожака восстания 1919 года.

Поведение Кошевого целиком оправдано и политически и психологически.

В «Тихом Доне» художественно воспроизведены высшие образцы героизма и беззаветности, какие проявили наши люди. Вспомните Ивана Алексеевича, Валета, Бунчука, Анну Погудко, отдавших свою жизнь за дело революции, вспомните комиссара Лихачева, поведение красноармейца, попавшего в лапы к Фомину, музыкантскую команду, исполняющую «Интернационал» в плену у белых, и многие, многие другие фигуры и страницы.

Приведу только один пример из третьего тома романа. Во время боевого похода Штокман заводит разговор с красноармейцем, шагающим рядом. В разговоре выясняется, что этот «складный, как голубь», парень — москвич, рабочий, токарь по металлу. Штокман спрашивает его, не побаивается ли он смерти, отправляясь в бой. Красноармеец отвечает: «Я — коммунист... Мне нельзя трусить. Сам себе приказал, понял?» Потом, улыбнувшись какому-то своему воспоминанию, рассказывает о том, как он добровольно вызвался выполнить боевое задание и взорвал мост на речушке в тылу белых:

« — Ночь темная, с туманом. Отошел сажен сто, пополз. Полз нескошенной рожью, потом оврагом. Из оврага стал выползать, помню, как шарахнет у меня из-под носа какая-то птица. Да-а-а... в десяти саженях прополз мимо сторожевого охранения, пробрался к мосту. Пулеметная застава его охраняла. Часа два лежал, выжидал момента. Заложил шашки, стал в полах спички жечь, а они отсырели, не горят. Я ведь на брюхе полз, мокрый от росы был — хоть выжми, головки отсырели. И вот, папаша, тогда мне стало страшно. Скоро рассвет, а у меня руки дрожат, пот глаза заливает. «Пропало все», думаю. «Не взорву — застрелюсь!» — думаю. Мучился-мучился, но все-таки кое-как зажег — и ходу. Когда полыхнуло сзади, я лежал

за насыпью, под щитами,—у них крик получился. Тревога. Трахнули из двух пулеметов. Много конных проскакало мимо меня, да разве ночью найдешь? Выбрался я из-под щитов—и в хлеба. И только тут, знаешь, отнялись у меня ноги и руки, не могу двигаться, да и баста! Лег. Туда шел ничего, храбро, а оттуда—вот как... И знаешь, начало меня рвать, всего вымотало в доску! Чувствую и ничего уж нет, а все тянет. Да-а-а... Ну, конечно, до своих все же добрался.—И оживился,—странно потеплели и похорошели горячечно заблестевшие коричневые глаза.—Ребятам утром, после боя, рассказываю, какой у меня со спичками номер вышел, а дружок мне говорит: «А зажигалку, Сергей, разве ты потерял?» Я цоп за грудной карман,—там! Вынул, чиркнул—и, представь, ведь загорелась сразу».

Красноармеец вспоминает о взрыве, говорит как будто только о боевом эпизоде, но сквозь его рассказ струится не выраженная прямыми словами, глубоко важная и затаенная дума большевика-пролетария, красного бойца—о жизни и смерти, о страхе и бесстрашии, о внутренней свободе и о революционном долге. Ключом к рассказу являются слова: «Я—коммунист... Мне нельзя трусить. Сам себе приказал,—понял?» Слова эти *предшествовали* рассказу,—то был ответ на вопрос Штокмана: «не побаиваешься?» Самый рассказ есть дальнейшее развитие этого же ответа.

Мы ясно видим, что не смерти боится красноармеец: совершить взрыв он вызвался добровольно; во время самой вылазки его не сохранение собственной жизни беспокоило, а выполнение долга. Внутренне свободный человек, он сам себе приказал, и его душу обуревает только одна тревога: удастся ли выполнить этот приказ самому себе? Смерти не боится красноармеец, но... «спички отсырели... И вот, папаша, *тогда мне стало страшно*». Страшно стало человеку, что он не выполнит долга, а если не выполнит, то и жизнь не мила,—«застрелюсь».

По своей философской значительности этот маленький рассказ, оброненный в пути красноармейцем (и автором!), стоит целой кипы ученых трактатов о смерти, свободе воли, нравственности, чувстве долга и проч.

Несколько бледнее обрисованы фигуры большевиков-революционеров во втором томе романа, охватывающем события крайне сложного периода: второй половины 1917 и начала 1918 годов. Именно в этом томе проходит Подтелков, Бунчук, Анна Погудко, Валет, отчасти Иван Алексеевич. Жаль, что об их подвигах рассказано как бы скороговоркой, что все это разрозненные эпизоды, только вводные новеллы, которые тонут

в многокрасочном потоке повествования. Но начал писатель свою работу над романом еще юношей, — начал, как мы теперь знаем, со второго тома. Не имея тогда еще опыта в построении монументального романа, молодой Шолохов дал здесь серию «хроник» и слабо увязанных между собою новелл.

В дальнейшем, по мере того, как опыт писателя обогащался, возросло и его мастерство. Краски становятся все ярче, повествование менее раздробленным. Новых персонажей автор уже почти не вводит. В изображении революционного лагеря внимание сосредоточивается, главным образом, на Мишке Кошевом. Это живая фигура, борец с сильно выраженным чувством революционного долга, человек большой любви к народу и страстной ненависти к ее врагам.

Более широко люди революции представлены во втором романе Шолохова, в «Поднятой целине». Там показана целая галлерея большевиков, людей самобытных и талантливых, возглавляющих казачий хутор в момент исторического переворота во всей жизни трудового казачества.

IV. «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»

1. Путь в колхоз

В «Тихом Доне» Шолохов обрисовал путь казачества через революцию и гражданскую войну, во втором своем основном романе, в «Поднятой целине», он развернул картину коллективизации в казачьем крае, показал, как совершался здесь «...глубочайший революционный переворот,... равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»[1].

Второй роман Шолохова является лучшим, талантливейшим в советской литературе художественным произведением о коллективизации.

Действие в «Тихом Доне» заканчивается 1922 годом, действие в первом томе «Поднятой целины» начинается в январе 1930 года. Прошло семь с лишним лет. За эти годы произошли глубокие изменения в казачьей массе. Значительная часть действующих лиц — бывшие красные партизаны, бойцы Буденновской конармии. Это они боролись за советскую власть и устанавливали ее здесь, на родной казачьей земле. Происшедшие за эти годы сдвиги в политических настроениях казачьего хутора бросаются в глаза сразу же. Очевидны перемены в сознании даже наиболее отсталых элементов. Дали себя знать семь-восемь лет правильных отношений рабочего класса с крестьянством на основе новой экономической политики.

В большей мере изжиты сословная обособленность и замкнутость казачества. Нет места былой сословной спеси и чванству, нет былой враждебности к рабочему, презрения к «мужику».

И все же классовая борьба в период коллективизации была здесь очень напряженной, изобиловала острыми эксцессами. Сопротивление коллективизации в Гремячем Логу было оказано жестокое. Кулак почувствовал, что приходят его последние дни,

---

[1] См. «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 291.

и пустил в ход все средства, какие только были в его распоряжении.

Но когда кулацкие происки срывались и обман раскрывался, середняки-казаки совестились, что пошли на поводу у кулака и бестолково погорячились. Именно с таким чувством смущения, неловкости, великой стыдобы пришли казаки на хуторское собрание после недавнего избиения Давыдова. Не обинуясь, рабочий-большевик сказал им всю правду в лицо,—сказал, что они попались на кулацкую удочку, что их выступление нельзя назвать иначе, как контрреволюционным. Казаки ждали суровой кары за совершенное преступление, но наказаны были только зачинщики. Остальных, заявил Давыдов,— мы не считаем врагами. Вы — качающиеся середняки, временно заблужденные, и мы к вам административных мер применять не будем, а будем вам фактически открывать глаза».

Слова Давыдова вызвали не только вздох облегчения, но и живой сердечный отклик: «...чей-то теплый и веселый басок растроганно сказал:

— Давыдов, в рот тебе печонку! Любушка Давыдов!.. За то, что зла на сердце не носишь... зла не помнишь... Народ тут волнуется... и глаза некуда девать, совесть зазревает... И бабочки сумятются... А ить нам вместе жить... Давай, Давыдов, так: кто старое помянет—тому глаз вон! А?»

Устами Давыдова говорила в далеком и заброшенном Гремячем Логу сама партия—великий учитель и друг народа, руководитель и воспитатель масс. А ответивший ему из темноты, из задних рядов «теплый и веселый басок»—это голос самого трудового казачества, пусть и ошибавшегося по темноте своей, но осознавшего правду и готового строить жизнь по-новому, в теснейшей дружбе со всем русским народом, с его крестьянством и рабочим классом под мудрым, просвещенным руководством партии.

Знаменательны слова: «А ить нам вместе жить». Даже при самом начале коллективизации на Дону (а всякое начало трудно) казаки-середняки сознают, что их союз с рабочим классом нерушим, что советская власть - единственно возможная власть в нашей, рабоче-крестьянской стране.

В этих местах, некогда объятых пламенем гражданской войны, советская власть появлялась еще в 1919 году. Читая «Поднятую целину», невольно вспоминаешь «Тихий Дон». Хорошо знакомые и близкие нам Штокман, Иван Алексеевич, Мишка Кошевой заправляли в 1919 году хутором Татарским. Когда они поставили на собрании вопрос о распределении имущества казаков,

бежавших с белыми, собрание ответило молчанием. Поднялся было наперед один из беднейших казаков, Сёмка, по прозвищу Чугун, но и он одумался, махнул рукой: «Хозяева придут, энти глазами моргай...» А в пору коллективизации уже не только бедняки, но и середняки поняли: хозяин пришел, и не быть в стране никакому другому хозяину, кроме советской власти.

Прочность и незыблемость советского строя осознают даже бывшие белые казаки, ушедшие после разгрома белогвардейщины в эмиграцию и позднее вернувшиеся на Дон. На них опирается офицер Половцев, из них и кулаков формирует Островнов контрреволюционный «союз освобождения Дона». Но после статьи Сталина «Головокружение от успехов» они заявляют Половцеву: «...выходит так, что разлучает эта газетка нас с вами!» Один из стариков говорит офицеру: «...мы не супротив советской власти, а супротив своих хуторских беспорядков, а вы нас хотели завернуть противу всей советской власти. Нет, это не гоже нам».

В бывшей «русской Вандее» нет более почвы для контрреволюции. Обреченность попыток поднять казаков против советской власти вынуждены признать сами главари заговора. В конце романа Лятьевский говорит Половцеву: «Я скажу вам, кто вы такой... Угодно? Пожалуйста! Патриот без отечества, полководец без армии... игрочишка без единого злота в кармане».

Темой «Тихого Дона» было отрешение от казачьей сословности и ее реакционных традиций. Тема «Поднятой целины» уже иная: отрешение от единоличности в сельском хозяйстве, от индивидуалистического собственничества. Этот второй процесс отрешения от старого мира сопровождался не менее коренной ломкой всего уклада жизни казачества и не менее мучительными колебаниями в сознании героя второго романа — Кондрата Майданникова.

Между колебаниями Григория Мелехова и раздвоенностью чувств Кондрата Майданникова так же, как и в политическом облике обоих этих героев, есть глубокая принципиальная разница.

Здесь и самый отправной пункт всего развития другой. Отец Кондрата защищал царский престол, служил капиталу, порол плетью и полосовал шашкой иваново-вознесенских ткачей, поднявших свой голос против царя и капитала. Но отец умер, вырос Кондрат и в 1920 году защищал тех же самых иваново-

вознесенских ткачей от насилия фабрикантов и от нашествия иностранного капитала. Не пошел по стопам своих отцов Кондрат Майданников, как это сделал Григорий Мелехов. Он боролся не против Красной Армии, а вместе с нею, в ее рядах. «Он накрепко, неотрывно прирос к советской власти». А вместе с тем и он, донской казак Кондрат Майданников, первый из середняков Гремячего Лога вступивший в колхоз, испытывает мучительное раздвоение чувств.

Долгими зимними ночами ворочается под дерюжкой Кондрат, все не спится ему. «И не спится потому, что осталась в нем жалость-гадюка к своему добру, к собственной худобе, которой сам он добровольно лишился... Свернулась на сердце жалость, холодит тоской и скукой...» В нем, как и в Григории Мелехове, тоже живут две души: одна трудовая, другая «хозяйская». В 1930 году конфликт между ними в сознании казака вступает во вторую, высшую стадию. На одной стороне — душа колхозника, на другой — собственника. Обе души питают одна к другой взаимную неприязнь. И бессонными ночами, в немой тишине сознание Кондрата раздирается в строптивых самообличениях.

Колхозная душа говорит душе собственнической: «Когда же ты меня покинешь, проклятая жаль? Когда же ты засохнешь, вредная червяка?.. И с чего бы это? Иду мимо лошадиных станков, чужие кони стоят, — мне хоть бы что, а как до своего дойду, гляну на его спину с черным ремнем до самой репки, на меченое левое ухо, и вот засосет в грудях, — кажись, он мне роднее бабы в эту минуту. И все норовишь ему послаже сенца кинуть, попырейней, помельче. И другие так-то: сохнет всяк возле своего, а об чужих и бай дюже. Ить нету зараз чужих, все наши, а вот так оно...» Так думал Майданников уже после вступления своего в колхоз. Это не случайная дума, не минутное настроение. Те же мысли и чувства волнуют его с самого начала до конца романа.

Еще до вступления в колхоз, накануне решающего дня, он, наедине с самим собою, думает о том, что «подлюку-жалость эту к своему добру надо душить, не давать ей ходу к сердцу». Но тут же является сомнение: «Что, если разбредутся люди через неделю же, испугавшись трудного?» Этот спор с самим собою, внутренний диалог двух душ Майданникова автор завершает словами: «Нелегко давался Кондрату колхоз! Со слезой и с кровью рвал Кондрат пуповину, соединявшую его с собственностью, с быками, с родным паем земли...»

Донской казак середняк Майданников — верный и надежный союзник рабочего класса, прочная опора советской власти в де-

ренне. Если Майданников, как и Мелехов, стоит на грани в борьбе двух начал, то начала эти уже не демократизм и собственность, а единоличная и колхозная собственность. Если Мелехов мысленно отрицал *оба* начала, а *на деле* служил преимущественно одному из них, именно собственному, контрреволюционному, то у Майданникова даже и в мыслях нет отрицания *обоих* начал. Он отрицает только одно и именно единоличное; он и в думах своих, наедине с самим собою, тягу к частной собственности называет не иначе, как гадюкой и чертякой; он *на деле* непоколебимо и самоотверженно служит колхозному началу.

Вот в чем глубокая принципиальная разница между раздвоенностью Григория Мелехова и раздвоенностью Кондрата Майданникова. В 1919—1920 годах был типичен для умонастроения казачьего хутора Мелехов; в 1930 году типичен уже Майданников. Сопоставление этих двух типических фигур показывает — в художественных образах — движение истории.

Майданников призывает казаков вступить в колхоз. «Вся Россия пихает на новую жизнь»,— говорит он и на деле показывает пример хуторянам. Работает Кондрат сам за совесть, в поле он ворочает, как бык, борется с лодырями, болеет о колхозном добре. Когда подголосок кулаков Атаманчуков пашет в дождь и надрывает силы быков, Кондрат протестует. Атаманчуков кроет его матом. «Не твое дело!» Но Кондрат не отстает. Он кричит всердцах: «А чье же, сукин ты сын, это дело? Чье, хромый чорт?.. Вреда колхозу делать не дам!»

Включился Майданников в социалистическое соревнование, вспахал в день на колхозном поле без малого полторы десятины, и организатор колхоза большевик-двадцатипятитысячник, рабочий Давыдов, выражает ему особую благодарность от правления колхоза, называет ударником. Жена Кондрата польщена похвалой ее мужу, но не понимает, что́ такое ударник. Не понимает и Кондрат, но когда она спрашивает его об этом в час ночного отдыха, он, чтоб не ударить лицом в грязь, дает ей такое объяснение:

«Ударник-то? Эх, ты дура-баба! Ударник-то? Кгм... Это... Ну, как бы тебе понятней объяснить? Вот, к примеру, у винтовки есть боек, каким пистонку разбивают,— его то же самое зовут ударником. В винтовке эта штука — заглавная, без нее не стрельнешь... Так и в колхозе: ударник есть самая заглавная фигура, поняла?..»

Ударник Майданников не понимает слова «ударник». Но, не зная толком смысла слова, он чутьем догадывается об его значении, о значении для колхозного строя ударников социалисти-

ческих полей. Подбодренный большевиком-рабочим, казак-ударник чувствует себя «самой заглавной фигурой», строителем социализма.

Положительные черты народного характера, нравственные качества середняка-казака с наибольшей полнотой представлены в «Поднятой целине» в образе Кондрата Майданникова. Кроме него, в романе действует немало и других людей из народа. Хотя им отведены и небольшие роли, но эти лица образуют народный фон, на котором развертывается все действие в романе. А ведь именно фон придает картине особенную живость и художественную убедительность. Важно и другое: эти лица позволяют вскрыть глубину идейного замысла художника с новой стороны.

Шолохов хотел, по-видимому, доказать, что та коренная новизна, которую несла с собой коллективизация, имела жизненные предпосылки также и в сознании крестьянских масс. И писатель действительно показывает нам, как у лучших представителей крестьянской массы в процессе коллективизации проявились зачатки коммунистического отношения к труду.

Колоритная фигура — Демид Молчун. Как видно уже из самого прозвища, Демид неразговорчив. Его душе близко «то мудрое молчание, которым полны бывают степь и лес под осень». Наделен Демид от природы огромной физической силой, нет ему равных по силе во всей округе. Когда нужно, он отодвигает одной рукой легко, как пенек, вставшего на пути врага, в минуту голыми руками ломает увесистый замок. Делает это Молчун во время раскулачивания Фрола Дамаскова, у которого он в свое время работал батраком. Но не сладка была его жизнь и позже, когда он перешел на собственное хозяйство. Дважды погорел его дом, ушла от него жена, которой наскучило вечное молчание Демида, и жил он бобылем на отшибе, в самом краю хутора. Как бедняк-единоличник, Демид вступил в колхоз одним из первых.

Каково же было изумление Давыдова, когда Молчун подал заявление: «Выпишите из колхоза!» Однако уговорить Демида никто не смог. Ему было предоставлено взять обратно свою корову, но Демид «простодушно и растерянно усмехнулся» и буркнул:

— А она, корова-то, мне и без надобности! Кормить ее даром. Я в зятья, должно, пойду. Это вам как? На удивление, небось? — и вышел, не попрощавшись.

Так вот оно в чем разгадка! Покинутому женой и измучившемуся в тоске по женской ласке казаку, над которым только потеша-

лись хуторские бабы, неожиданно привалило счастье: нашлась-таки женщина, согласившаяся взять его к себе в дом. Только эта причина побудила Молчуна выйти из колхоза.

Особенно любопытна разыгравшаяся после этого сцена. Молчун вышел из правления колхоза, и на пути ему встретилось препятствие. Весь колхозный двор, от крылечка до амбара, был залит талой водой. Узенькая грязная стежка проходила только у самого плетня,—по ней-то, минуя лужу, обычно и пробирались люди, придерживаясь руками за колышки плетня. Демид, подумав, ступил прямо в воду, пересек лужу, взял лом, пошел к воротам, со всей могучей своей силою рубанул по обледеневшему сугробу. Образовалось русло, по которому и ринулась вода с колхозного двора.

«— Ну, этот опять в колхозе будет!—заговорил Размётнов, хватая Давыдова за плечо, указывая на Молчуна. —Приметил непорядок, исправил и пошел. Значит, у него душа в нашем хозяйстве осталася! Верно я говорю?»

Когда в нынешние дни, в разгар второй империалистской войны, американский миллиардер говорит: «Где наше золото—там и наше сердце», то это совершенно точное определение капиталистического самосознания.

Когда Размётнов говорит, что там, где добровольный, бескорыстный труд и хозяйская забота бедняка Молчуна—там и его душа, то это тоже совершенно точное определение, но не чужого, а нашего, коммунистического самосознания.

В поступке Молчуна зачатки коммунистического отношения к труду проявились с очевидностью, не оставляющей и тени сомнения. А тот факт, что это почувствовал Размётнов и с такой точностью выразил, показывает, как тонко и правильно чувствует людей председатель гремяченского хуторского совета, сколько общего у него с вырастившим его народом.

Воспитывать—значит не только агитировать. Надо уметь улавливать в поступках людей первые, еще робкие, зачаточные проявления коммунистического отношения к труду, выделять и поощрять их перед лицом всей массы, как пример, достойный подражания, сообщить поступку заражающую силу. Это умеют делать и Давыдов и Размётнов.

Еще до выезда колхозников в поле, во время приготовлений к пахоте, хуторской кузнец Ипполит Шалый проделал ударную работу. Трудясь в своей кузнице каждый день до потемок, он своевременно, к 15 марта, отремонтировал весь сельскохозяйственный инвентарь. И Давыдов премирует его за ударную работу привезенным из Ленинграда слесарным инструментом.

Сам человек из народа и труженик, Давыдов хорошо знает, что такое радость исполненной работы, что такое общественное поощрение трудового человека, рядом с тобой выполнившего общее дело. Радуется Давыдов, что пришлось ему поощрить кузнеца. Растроган, взволнован, не находит слов кузнец Шалый. «А я...—говорит он,—раз я кузницей зараженный и могу... то я всегда, как и нынче—колхозник, с дорогой душой...» По-непривычному ликуют казаки,—тут советская власть, и они вместе с нею, всем обществом, поощряют труд, который до этого был только личным делом каждого в отдельности.

Торжественное награждение кузнеца состоялось перед первым выездом в поле, у порога колхозной жизни, и исполнено глубокого смысла. Сцена награждения Шалого проникнута подлинным демократизмом, от нее веет духом народного празднества. В романе она служит как бы увертюрой, музыкальным вступлением к картине новой жизни.

А в поле развернулось уже настоящее социалистическое соревнование.

Началось не с ударных темпов, а с тихого саботажа. Бедняк-активист бригадир Любишкин примчался с поля к Давыдову с жалобой: «отодприничают». С непривычки, от неумения справиться с людьми он пришел в отчаяние, просил снять его с бригадиров: «Нету моего терпежу валандаться с такими подобиями». Но сочувствия он не встретил: «Ты тут сиротой не прикидывайся, факт!»—сказал ему Давыдов, и пришлось возвращаться в поле. А у крыльца колхозного правления произошла у Павла Любишкина характерная перебранка с Дёмкой Ушаковым:

«Дёмка Ушаков, щуря глаза, язвительно выспрашивал:

— Много ли напахала ваша бригада, товарищ Любишкин?

— Тебя это не касаемо...

— То-то, что не касаемо... Вот зацеплю тебя на буксир, оно и коснется!

Любишкин, поворачиваясь на седле, сжал до отека в пальцах ядреный бурый кулак, посулил:

— Только зацепи! Я тебе, черту косоглазому, глаза враз направлю! На затылок обкручу и задом наперед ходить научу!

Дёмка презрительно сплюнул:

— Лекарь нашелся! Плугатарей своих сперва-сначалу вылечил бы, чтоб они у тебя спорей пахали...»

Перебранка, как видим, довольно крутая. Грубости в ней больше, чем язвительности. Но если раньше ругались Любишкин с Ушаковым такими же словами или словами покрепче, то уж, во всяком случае, не по такому поводу. Здесь впервые предметом

спора у казаков служит трудовая честь, а это уже целый переворот во взглядах людей на труд, гигантский прыжок вперед — в сторону и сознательности и культуры.

«Самое замечательное в соревновании, — говорит товарищ Сталин, — состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело *чести*, в дело *славы*, в дело *доблести* и *геройства*» («Вопросы ленинизма», 10-е изд., стр. 393).

Бригадиры Любишкин и Ушаков не единственные в Гремячем Логу казаки, охваченные порывом соревнования. Личный пример Давыдова вовлек в соревнование и всю вторую бригаду.

Приобщился к социалистическому труду и совершенно неожиданно выбился в соревновании на первое место Антип Грач. Давно ли его Давыдов в насмешку называл «слабосильной командой», а вот подтянулся, хоть и работал на отощавших быках. Жена Антипа кормила быков из подола, и Антип насыпал ей в подол даже оставшиеся после обеда хлебные крохи.

«Любишкин приметил это, усмехнулся:

— Тонко натягиваешь, Антип!

— И натяну! Наша порода в работе не из последних! — огрызающе кинул еще более почерневший от весеннего загара Грач. Он-таки натянул: к вечеру у него оказалось вспаханной десятина с четвертью».

Опередил Антипа Грача один только Кондрат Майданников — недаром хвалил его Давыдов, сказав о нем: «самый фактический ударник».

Так зачатки коммунистического отношения к труду стали развиваться и крепнуть. Так социалистическое соревнование делало первые свои шаги в Гремячем Логу.

2. Большевики на коллективизации

Просвещают гремяченских казаков, агитируют и организуют их, руководят их борьбой за новую жизнь большевики.

Образ большевика-рабочего Давыдова — одна из самых драгоценных жемчужин советской литературы.

«Нет таких крепостей, — сказал Сталин, — которых большевики не могли бы взять». Давыдов сумел взять самую неприступную крепость, преодолеть самое жестокое сопротивление классовых врагов. Оно было тем более жестоким, что дело шло о последней

твердыне капитализма внутри страны, что борьба развернулась в казачьем краю, в бывшем заповеднике реакции и опорном пункте контрреволюции. Победа далась тем труднее, что враги были особенно коварные, пускали в ход самую изощренную хитрость, нередко выступали под личиной друзей.

Двадцатипятитысячник Давыдов, рабочий-путиловец, призванный партией для коллективизации сельского хозяйства, имел боевой опыт. В прошлом он был во флоте, затем пулеметчиком дрался на фронтах гражданской войны. Но для коллективизации казачьего хутора опыт понадобился совсем другой, да и противник был не тот, что выступал на фронтах с открытым забралом. Сельского хозяйства Давыдов вовсе не знал. Первые враги, с которыми ему пришлось в начале 1930 года встретиться на Дону, были вооружены не только партийным билетом, но и авторитетом руководителей райкома.

Правда, в «Поднятой целине», печатавшейся в 1932 году, секретарь райкома Корчжинский и заворг Хомутов не названы прямо врагами народа, но автор довольно прозрачно намекает на то, что все их действия объективно вредительские. В конце первого тома они оба сняты с работы.

Шолохов в ту пору не имел еще прямых оснований называть их врагами, но обрисовал он их с достаточным приближением к образу врага.

При первой же встрече с Давыдовым Корчжинский делает упор на стопроцентную коллективизацию и требует снисходительности к кулакам. «На базе осторожного ущемления кулачества»,—говорит он. Давыдову это не по душе. Словам секретаря райкома он противопоставляет речь Сталина на конференции аграрников-марксистов. Корчжинский берет начальнический тон, пытается пугнуть двадцатипятитысячника. Но не такой человек Давыдов, чтобы сбить его с принципиальной позиции, а тем более воздействовать на него окриком. Сдерживая негодование, он отвечает: «Я буду проводить линию партии, а тебе, товарищ, рублю напрямик, по-рабочему: твоя линия ошибочная, политически неправильная, факт!» Про себя Давыдов решил: «Хромает он на правую ножку... факт!»

Свое обещание Давыдов сдерживает: он проводит линию партии, игнорируя указания секретаря райкома.

Трудно полагаться на одни лишь собственные силы при нехватке политических и агрономических знаний. И Давыдов, поверх головы занятый делами, ухитряется выкроить часок-другой, чтоб на ходу пополнить скудные свои знания, читает партийную литературу, агрономические журналы.

Многое неясно Давыдову и в самом хуторе. «За неделю пребывания в Гремячем Логу перед Давыдовым стеною стал ряд вопросов... Он ехал на работу в деревню вовсе не таким уж наивным горожанином, но разворот классовой борьбы, ее путаные узлы и зачастую потаенно-скрытые формы все же представлялись ему не столь сложными, какие увидел он в первые же дни приезда в Гремячий... К познанию многих людей и их взаимоотношений не мог он подобрать ключа. Титок — вчерашний партизан и нынешний кулак и враг. Тимофей Борщев — бедняк, открыто ставший на защиту кулака. Островнов — культурный хозяин, сознательно пошедший в колхоз, и настороженно-враждебное отношение к нему Нагульнова...»

Запутаны взаимоотношения людей, сложна жизнь в казачьем хуторе, подобно мотору неведомой, диковинной машины. Как разобраться в ней свежему человеку, пришельцу из далекого Путиловского завода? Давыдов твердо знает только одно: кулак есть кулак и враг советской власти, а бедняк — наш лучший друг.

В «Поднятой целине», как и во всех своих произведениях, начиная с юношеских рассказов, Шолохов убедительно доказывает недостаточность этих общих истин для понимания многих конкретных явлений действительности. В своем последнем романе, как и в первом сборнике рассказов — «Лазоревая степь», писатель восстает против упрощенных представлений, против анкетного подхода к человеческим душам, обличает ходячий «седой ковыль», усердно предостерегает от него.

Давыдов оказывается в жестоком переплете: неразоблаченные враги над ним, в районном и окружном центрах, неразоблаченные враги за его спиною — Яков Лукич Островнов, есаул Половцев в дальней горенке и организованный ими «союз освобождения Дона». Но, несмотря на все происки врагов, на дьявольские их козни, Давыдов выходит победителем.

Когда в январе 1930 года он приехал в Гремячий Лог, здесь существовало только товарищество по совместной обработке земли, да и то оно влачило самое жалкое существование. Прошло несколько месяцев, и Давыдову удалось сколотить крепкий колхоз, развернуть в нем социалистическое соревнование, своевременно провести пахоту и посев, впервые покончить с так называемой «глухой порой», промежутком между весенним севом и покосом трав.

Каковы же те качества — политические и нравственные, которые позволили Давыдову одержать столь блистательную победу?

Шолохов описывает мысли Размётнова о Давыдове, и тут мы

находим наиболее точную характеристику двадцатипятитысячника:

«У Размётнова появилось опасение, что Давыдов, сухой и черствый (таким он ему показался), каким-нибудь неосторожным поступком оттолкнет от колхоза середняков. Но он вспомнил его коренастую, прочного литья фигуру, лицо, напряженное, собранное в комок, с жесткими складками по обочинам щек, с усмешливо-умными глазами, вспомнил, как на собрании Давыдов, наклонясь к нему за спиной Нагульнова и дыша в лицо по-детски чистым, терпко-винным запахом щербатого рта, сказал во время выступления Любишкина: «Партизан-то парень грубой[1], но вы его забросили, не воспитали, факт! Надо над ним поработать». Вспомнил и обрадованно решил: «Нет, этот не подведет...»

В немногих словах здесь сказано главное о Давыдове. Он — партиец крепкого закала, человек волевой и умный. Он чуток к массам и имеет вкус к их воспитанию. Он сочетает в себе такие качества, что можно на него вполне положиться: не подведет. Множество описанных в романе поступков Давыдова целиком подтверждают эту характеристику, привносят к ней дополнительные живые черты.

На общехуторском собрании, где решался вопрос о вступлении в колхоз, из задних рядов раздался голос:

«— Нас нечего загонять дуриком! Тебе Титок раз кровь пустил, и ишо можно.

Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул:

— Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим. Но, если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Слышишь ты, кулацкая гадина! Всю, до последней капли!»

Эти огненные слова, со страшной силой брошенные в лицо врагу, повторяют, в иной обстановке, памятные слова вождя партии и народа, товарища Сталина в день его пятидесятилетия. Перекличка рабочего Давыдова с вождем еще раз говорит о великом единстве нашей партии, об ее сплоченности вокруг вождя. Слова Сталина в день его пятидесятилетия звучат, как боевой пароль большевиков, как клятва партийца перед боем.

А бой в Гремячем Логу не прекращался в те дни ни на час.

---

1 *Грубой* — хороший.

Когда казачки затевают бунт, Давыдов не теряет присутствия духа. Он спокойно, не спеша, покуривая, идет навстречу бабам, стойко выдерживает побои. Едва держась на ногах, весь облитый кровью, он водит разъяренную толпу с места на место, чтобы выиграть время.

О себе Давыдов вовсе не думает: отдать кровь до последней капли за дело рабочих, за свою партию—он готов всегда и неизменно.

Непреклонная воля, целеустремленность, безграничная преданность партии соединяются в нем с глубочайшей верой в победу, с жизнеутверждающим оптимизмом. Своими поступками, решениями, речами, где нужно поощрением и дружеским воздействием, где нужно—внушением и нажимом, но всегда личным примером Давыдов воспитывает людей.

Узнав об угрозе срыва полевых работ, Давыдов выезжает в поле. Политическое чутье и опыт партийной работы подсказывают ему, что бюрократическими методами руководить нельзя, что руководить можно и должно только в самой гуще жизни и борьбы деловым, оперативным вмешательством в работу, личным примером передовика-коммуниста.

Никогда на своем веку не приходилось Давыдову пахать, плуг он знает только «приблизительно», пускать его в действие не умеет. Нова и очень трудна для него работа в поле. Страницы, на которых описана пашня, физическое состояние Давыдова во время работы и после нее (горение в натруженных ходьбою подошвах, ноющая тяжесть в голенях, плывущая перед глазами земля, головокружение и тошнота), душевное состояние рабочего-коммуниста в эти дни, весь трудовой его подвиг,—эти страницы наиболее ярки и художественно-выразительны в романе. Недаром назван он «Поднятой целиной».

Образ впервые вспаханной целины—черной земли, надрезанной плугом и вывернутой наизнанку, есть одновременно образ и материально-конкретный и идейно-символический. Это сама пашня в ее мощном, весеннем великолепии, напоенная жизненными соками, таящая огромную силу плодородия земли. И вместе с тем это образ народа, могучего, исполненного творческих возможностей в дни решающего поворота его жизни и быта. Это плуг, как сельскохозяйственный инвентарь, как машина, вздымающая и опрокидывающая землю. И вместе с тем это плуг революции, преобразующий бытие людей и подготовляющий посев семян коммунизма.

Само описание пашни и земледельческих работ бесспорно принадлежит к лучшим в мировой литературе.

Поднимает целину, ведет за собой народ пролетарский революционер, рабочий-большевик, боец двадцатипятитысячной армии посланцев партии в деревню—Семен Давыдов.

Именно личный пример позволил Давыдову успешно развернуть в процессе полевых работ горячее социалистическое соревнование между колхозниками. Давыдов воспламеняет энтузиазм труда на обобществленной земле, воздействует на души людей, находит слова поощрения, от которых полнится гордостью сердце казака-ударника.

Привлекателен и весь моральный облик Давыдова. От Семена веет честностью, чистосердечием, гуманностью.

«Славным парнем» называет товарища-рабочего Андрей Разметнов. А давно ли пробирал Давыдов Андрея, крыл во-всю, когда Разметнов отказывался раскулачивать, так как он-де «с детишками не обучен воевать». Вне себя от гнева и возмущения, Давыдов ударил кулаком по столу, крикнул: «Ты!! Как ты можешь жалеть?!» Но и тогда, в минуту ярости, Давыдов не переставал быть воспитателем, он рассказал о своем собственном мрачном детстве, о детстве пролетарского мальчонки, о сосланном в Сибирь отце, о голоде, о матери, продававшей свое тело, чтобы накормить голодных ребят. Потом Давыдов обнял Андрея за плечи, дружески обругал его: «Эка, дурило ты!» Сел с ним на лавку и стал говорить о новой жизни, которую мешают строить кулаки, об их детях, которых перевоспитывает рабочий класс, о будущем, когда не повторятся уж больше черные дни, омрачавшие в старину и самое детство.

Ругая Андрея, обнимая и просвещая его, Давыдов и в эти минуты был все тем же «славным парнем», большевиком-воспитателем, пролетарским гуманистом,—он учил классовой ненависти к врагам трудящихся во имя любви и человечности.

Давыдов изображен Шолоховым отнюдь не безгрешным. Ошибся Давыдов и в отношении Островнова. Ошибся и с обобществлением птицы.

Не тому надо удивляться, что Давыдов ошибся в том или ином случае,—в его образе заслуживает уважения и подражания то, что, несмотря на всю трудность обстановки, партийное чутье не обманывает его в *решающие моменты* и он не делает ни одной ошибки по *коренным вопросам*, что никогда он не бежит в кусты, не прячется за чужую спину, чужд всякой перестраховки, неизменно исполнен мужественного чувства ответственности. Мужественность, искренность и честность неотделимы от образа Давыдова. Допустив ту или иную частную ошибку, Давыдов проверяет себя и как только убеждается, что

сделал промах, не упорствует, а открыто признается в этом, спешит исправить дело.

Большевистская смелость особенно привлекательна в Давыдове. Она сказывается и в том, как он действует наперекор ошибочной директиве райкома, и в том, как признает собственные свои ошибки. Большевистская смелость помогает Давыдову пресекать всякое отклонение от правильного партийного курса. Большевистская смелость есть не что иное, как верность генеральной линии партии.

В романе Шолохова о рождении колхоза действуют Давыдов, Размётнов, Нагульнов, Кондратько, Найденов—пять большевиков, и ни один не плакатен. У каждого из героев своя особая, ярко выраженная биография. Это живые люди, различные и по темпераменту и по характеру.

В романе «Поднятая целина» Шолохов показал своим правдивым художественным отражением жизни богатство различий индивидуальных темпераментов и характеров людей при общности их коммунистического мировоззрения.

Удивительно, что наша критика прошла мимо этой замечательнейшей особенности романа. Установилась дурная традиция истолковывать образ Размётнова как представителя правого уклона, а образ Нагульнова как представителя «левого» уклона. Будто вывел Шолохов тройку, запряг коренником Давыдова, пристяжной справа к нему припряг Размётнова, а пристяжной слева—Нагульнова, и вот тебе вся недолга́.

Такая трактовка неправильна раньше всего политически. Правые и «левые» в 1930 году, во время сплошной коллективизации сельского хозяйства, были уже либо законченными врагами народа, прикрывающимися партбилетом, либо врагами потенциальными. Какой же смысл низводить в эту категорию преданных партии рядовых коммунистов деревни? А с другой стороны, такое истолкование образов убивает их типически-индивидуальное своеобразие, а стало быть, противоречит и замыслу художника и характеру его творческих созданий.

Опыт организатора и политического руководителя, каким располагал Давыдов, не был опытом коллективизации казачьего хутора, но он сослужил великую службу и в новом деле. У Размётнова не было ни опыта, ни развития, ни пролетарской закалки, ни творческих способностей Давыдова. Удивительно ли, что в некоторых частных вопросах он ошибался *вслед* за Давыдовым?

На первых страницах романа Давыдов (и мы вместе с ним) знакомимся с председателем гремяченского совета Андреем Размётновым. Это плотный казачок с белесыми курчавыми усами. Первые же две характеризующие его фразы такие: «Он рассматривал Давыдова с *наивной беззастенчивостью, часто мигая ясными, как летнее небушко, глазами.* На смуглом, давно небритом лице его с косо опоясавшим лоб голубым шрамом *явно сквозило нетерпеливое ожидание».*

Уже эти немногие слова говорят о какой-то детскости и непосредственности Андрея. Голубой шрам на лбу—это след шашки, зарубка на память о войне. Над белесой головой Андрея пронеслись уже три десятка лет и немало испытаний, а он сохранил свежесть восприятия и наивность юных лет. Вы отмечаете про себя: вряд ли он слишком умен, но это, вероятно, человек с богатой сферой чувств, привлекательный не столько умом, сколько сердцем.

Дальше мы узнаем, что Андрей вырос в бедной казацкой семье, в восемнадцатом году ушел в красные. Белые казаки-односельчане жестоко отомстили Размётнову: они изнасиловали его жену, заразили ее сифилисом, и она с отчаяния повесилась. Вскоре умер и сынишка, оставшийся без материнского присмотра. О постигшем его несчастьи Андрей узнал на фронте. Убитый горем и разъяренный гневом, прискакал он в хутор, чтобы расправиться с насильниками. Но Аникей Дамаскин, тот самый, что «тягал ее на гумно», был в отступлении. Занес уже Размётнов шашку над головой Аникеева отца, но с ревом, визгом и плачем посыпались ему под ноги ребятишки, мал мала меньше. Их бросила «на расправу» (а на самом деле, чтоб разжалобить Размётнова) Аникеева жена. И она достигла своего: «Попятился он, дико озираясь, кинул шашку в ножны и, не раз споткнувшись на ровном, попятился к коню».

Вот почему, когда при раскулачивании Гаева у ног Андрея вновь метались в тревоге ребятишки, его нервы не выдержали. Он отказывается раскулачивать, но после отповеди Давыдова он осознает свою ошибку и на следующий же день говорит Нагульнову:

«— Макар, друг, за вчерашнее не серчай... Наслухался я детского крику, своего парнишку вспомянул, ну и защемило...

— Защемить бы тебя, чорта, жалешника!

— Ну, конечно! Я уж по твоим глазам вижу, что сердце на меня остыло!»

Таков он, этот человек,— непосредственный, остро впечатлительный. Мгновенно вспыхивает и быстро отходит. Временами

он излишне мягок и неуместно добр. И еще: доверчив Андрей, как дитя. Он доверяет Островнову, хотя, не в пример Давыдову, как местный житель, должен был бы лучше знать и материальный достаток притаившегося кулака и его лисью повадку.

В открытом бою не сдаст Размётнов. Здесь он будет драться не хуже Нагульнова, не хуже Давыдова. Храбрость свою, воинскую доблесть достаточно показал он на фронтах. Как и Нагульнов и Давыдов — Размётнов исполнен вражды к кулачеству, заботы об успехе гремяченского колхоза. Но он слишком доверчив и о потайных и хитрых ходах врага, о сложности переплетов классовой борьбы не подозревает.

Происходит это отчасти из-за слабого политического развития и недостаточного опыта классовой борьбы, но ближайшим образом сказываются свойства самого характера Андрея. Честный и чистый человек, он мерит и других людей на свой аршин, его фантазия не воспроизводит низости и гадости, на какую способны враги. А широты кругозора, правильного представления о возможных действиях враждебного лагеря ему не хватает.

Несравненно более яркая индивидуальность, чем Андрей Размётнов, другой герой романа Макар Нагульнов, краснознаменец, секретарь гремяченской партийной ячейки.

Острой ненавистью к частной собственности исполнен Нагульнов. Въедливый собственнический инстинкт он называет «коростой». Весь заостренный на мировую революцию, он проникнут чувством интернациональной революционной солидарности.

Однако поступки Нагульнова так резки, слова так чрезмерны, а чувства настолько взвинчены, что добродетель превращается порою в свою противоположность.

Нагульнов — поразительный мастер каждое разумное и правильное мероприятие доводить до уродливой крайности. В полной неприкосновенности сохранил он качества партизана гражданской войны. Навыки эпохи военного коммунизма он бездумно переносит в иное время, в мирную обстановку.

Никто из гремяченских коммунистов, кроме Нагульнова, не прибегает к насилию там, где требуется слово убеждения. Это делает один только Нагульнов. Именно он избивает единоличника Григория Банника и под взведенным курком нагана заставляет его дать расписку с обязательством вывезти семенной хлеб в колхозный амбар. С той же целью он арестует трех колхозников, держит их ночь под замком и на следующее утро говорит Размётнову: «Выпусти из порожней комнаты мелких буржуёв».

Андрей упрекает Нагульнова за дикую проделку, но тот нисколько не смущен. «Кабы из каждой контры,— говорит он,— после одного удара наганом по сорок пудов хлеба выскакивало, я бы всею жизню тем и занимался, что ходил бы да ударял их».

Что закрепление союза рабочего класса с середняком, что условия организации колхоза требуют другого подхода и других навыков — он и знать не желает. Вовсе лишен Нагульнов гибкости, столь обязательной для политического деятеля. Один «левый» заскок следует за другим...

В своем «Ответе товарищам колхозникам» Сталин в апреле 1930 года охарактеризовал *корень* ошибок в крестьянском вопросе так:

«Забыли, что насилие, необходимое и полезное в деле борьбы с нашими классовыми врагами, недопустимо и пагубно в отношении середняка, являющегося нашим союзником.

Забыли, что кавалерийские наскоки, необходимые и полезные для решения задач военного характера, непригодны и пагубны при решении задач колхозного строительства, организуемого к тому же в союзе с середняком» (*И. Сталин*, «Вопросы ленинизма», 11-е изд., стр. 306).

Дальше Сталин писал о том, что во второй половине февраля 1930 года «...одна часть наших товарищей, ослепленная предыдущими успехами, галопом неслась в сторону от ленинского пути» (стр. 311). «Мы хотим,— продолжал он,— чтобы головотяпы отступили от своего головотяпства на позиции ленинизма» (стр. 313).

Иллюстрацией этого положения являются поступки Нагульнова. Так можно ли назвать «левые» заскоки Нагульнова, при всей их политической ошибочности, троцкизмом? Конечно, нет. Норовистый, диковатый, политически мало развитый казак хочет только блага революции, а не вреда ей. Он самый беззаветный друг ее,— как же причислить его к лагерю врагов-троцкистов? Его ошибки — не дурной умысел против партии, а дурное выполнение самых чистых и благородных намерений. У Нагульнова нет системы взглядов, которая была бы противоположна взглядам партии. Он не упорствует в своих ошибках, не хочет «супротивничать партии»: в ней вся его жизнь. Ему важно осознать ошибку. Он нуждается в воспитании и воспитании.

Шолохов знакомит нас в своем романе еще с двумя большевиками, работниками агитколонны, с руководителем агитколонны Осипом Кондратько, человеком лет пятидесяти, и с юношей-комсомольцем Ванюшей Найденовым. Оба они — рабочие,

люди недюжинных способностей. Младший воплощает в себе тип агитатора, старший — тип организатора. Рабочий Давыдов — человек несколько иной складки, но отнюдь не менее одаренный организатор.

Все они — самородки, поднятые революцией из глубины народа, люди, взращенные народом, воспитанные и воспитываемые партией.

Казаки хутора Гремячий Лог под руководством коммунистов строят колхоз, закладывают основы новой жизни. И мысль передовых людей хутора тянется навстречу будущему. Мечта о будущем наполняет смыслом сегодняшнюю борьбу, помогая преодолевать сегодняшние трудности, дает целевую точку человеческой энергии.

Бессонными ночами думает о будущем Кондрат Майданников, священным нетерпением в ожидании мировой революции исполнен Нагульнов.

Думает о будущем и Давыдов. На эти мысли наводит его встреча с белоголовым, босоногим мальчонкой Федоткой во время поездки в поле. Сперва Давыдов думает о том, какую хорошую жизнь мы построим для своей смены, какие счастливые будут Федотки. Но потом он переносится мысленно в самое будущее:

«Машина будет все тяжелое работать за человека... Тогдашние люди позабудут, наверное, запах пота... Дожить бы, черт его подери!.. Хоть посмотреть бы! А то издохнешь, и никакой Федотка о тебе не вспомнит. А издохнешь ты, братишечка Давыдов, как пить дать! И вместо потомства от тебя останется гремяченский колхоз. Из колхоза станет коммуна и — смотри еще назовут его впоследствии имени путиловского слесаря Сёмки Давыдова...» — Давыдов улыбнулся шутливому обороту своих мыслей...»

А оборот мыслей ведь, действительно, прехарактерный! Не отделяет себя человек от того идейного дела, которому отданы все его силы, нервы, мозг. Мыслит себя Давыдов в неотрывной связи с гремяченским колхозом. Даже смерть не может их разлучить, — хочется верить Давыдову, что имя его будет запечатлено на его детище — коммуне, увековечено в создании его творческих усилий. Это мысль о бессмертии революционного дела, которое покрывает индивидуальную смерть отдельных своих борцов.

Ведущий идейный мотив «Поднятой целины»: народ и его

вождь, коммунистическая партия, в один из решающих моментов истории — в страдную пору сплошной коллективизации.

Величие нового строящегося мира представлено в его людях, исполненных неукротимой творческой энергии, в его бессмертных делах, в его революционном устремлении к будущему.

Всей своей книгой Шолохов с большой силой художественного дарования, с трепетной любовью к родине и ее трудовому люду подтвердил глубочайшую истину нашего времени:

— Бессмертен народ, бессмертно и дело большевиков, лучших сынов народа!

V. ТЕМА ШОЛОХОВА

Все шесть книг Шолохова написаны о казаках, на донском материале. Пусть иные «ценители искусства» видят в этом ограниченность писателя и называют это областничеством,—Шолохов делает свое дело, не обращая внимания на такие разговоры. Он знает, что художественно изобразить и исторически осмыслить путь казачества в революции на протяжении четверти века—задача, достойная большого художника.

Тема Шолохова, пафос его творчества необычайно широки и поистине величественны. На материале Донской области он пишет о борьбе старого и нового мира.

Именно на Дону формирование нового мира и новых человеческих отношений протекало с наибольшим драматизмом, было исполнено сложнейших противоречий.

Шолохов, как это и подобает художнику-коммунисту, не отступил перед трудностями, не смазал ни одного противоречия,— он вскрыл их до самого дна.

Множество самых неожиданных переплетов классовой борьбы описано в шести книгах Шолохова. Писатель создал обширнейшую галлерею типов всех социальных прослоек. Тут и кулаки-эксплоататоры, и злобные контрреволюционеры, и мародеры, грабящие народ среди бела дня, и предатели, и лазутчики, и самая гнусная разновидность дворянской и буржуазной интеллигенции—белые офицеры, морфинисты и кокаинисты. Они описаны Шолоховым с большим реализмом во всей их низости.

В созданной писателем галлерее типов видное место занимают большевики-рабочие, красные партизаны, комиссары, продработники, комсомольцы. Об этих лучших наших людях, героически боровшихся с белогвардейщиной и кулачьем, Шолохов рассказал в своих книгах с большой любовью и горячим чувством. Не все фигуры одинаково удались. Но образ большевика-рабочего Давыдова—один из лучших образов советской художественной

литературы. Мишка Кошевой, Иван Алексеевич, Валет, комиссар Лихачев, безымянные герои-красноармейцы в «Тихом Доне», Нагульнов и Размётнов в «Поднятой целине», целая фаланга комсомольцев в «Лазоревой степи» встают перед глазами как живые.

В годы гражданской войны большевики в казачьей среде составляли меньшинство. В некоторых местах Донской области они были лишь героической горсткой, в других местах — одиночками. Кулаков, прямых врагов советской власти, насчитывалось в ту пору в казачьей среде много больше, конечно, чем коммунистов. И все же кулаки составляли только ничтожный процент населения. Что же происходило с основной массой казачества? Как произошло ее примирение с советской властью, а затем и переход к колхозному строительству?

Скажут: сильно помог разгром белого движения. Правильно. Но победа Красной Армии и поражение белой вовсе не влекло за собой механически примирения с советской властью и тем более солидаризации с нею основного массива казачества. А между тем без этой предпосылки, без доверия к советской власти и ее идеям середняки-казаки не вступали бы в колхозы на добровольных началах, как это произошло в действительности.

Шолохов показал те внутренние, подспудные силы, те укорененные в сознании и психологии, в уме и сердце трудовых людей нравственные качества, которые помогли земледельцам-казакам, хотя бы с большим опозданием и после обильно пролитой крови, все же соединиться с революционным народом в его борьбе.

Шолохов задумал написать историю казачества нашей эпохи, художественную энциклопедию бывшего казачьего сословия. Не эпизоды из истории гражданской войны хотел рассказать он. Шолохов хотел обрисовать становление нового мира на развалинах старого, притом в таком краю старого мира, который недавно имел славу заповедника реакции и не случайно стал плацдармом формирования контрреволюционных сил страны.

Эту большую задачу в целом Шолохов разрешает, конечно, не одной книгой, а всем своим творчеством. «Поднятая целина», в которой изображена коллективизация казачьего хутора и вступление в период социализма, занимает здесь особое и совершенно исключительное место. «Тихий Дон» представляет частичное решение все той же задачи, но только в пределах, строго обусловленных описываемой исторической обстановкой. При этом в особенную заслугу автору надо поставить то, что он нигде

не покривил душой, не отступил от правды истории, не поддался соблазну принять желаемое за действительное.

Медленно и туго поворачивалось казачество в сторону советской власти, и писатель в своем изображении казаков нигде не забегает вперед, строго выдерживает те же темпы. Оба романа проникнуты одной и той же идеей, взаимно дополняют друг друга, изображая казачество с одних и тех же позиций на разных ступенях его исторического развития.

Тема Шолохова—становление коммунизма на земле. Это, по сути дела, тема всей советской литературы, более того, это тема всего советского искусства.

В своем творчестве Шолохов дает высокие образцы решения основной темы советской литературы. Процессы жизни он изображает глубоко. Не довольствуясь одной только внешней видимостью явлений, он вскрывает самую их суть. Смелой рукой рисует он действительность во всей ее сложности, противоречиях, конфликтах и трудностях, реалистически показывает, как трудности преодолеваются на самом деле. Это сообщает его книгам большую искренность, серьезность, подлинную художественную правдивость.

Герои Шолохова—люди из самых недр народа, люди физического труда и суровой борьбы. Шолохов—не сторонний наблюдатель, который глядит на описываемых людей и их судьбы чужими глазами. В своем творчестве он являет тип нового художника, писателя-коммуниста. Он активно участвует в борьбе, в самом процессе ее наблюдая людей, и наблюдает, участвуя. Среди трудового казачества он вырос, из одной миски с ним хлебал горе, вместе с ним познал радости. Он—участник гражданской войны, практический строитель социализма.

Шолохов, как крупнейший советский писатель, учит народ и в то же время учится у него, учится многому и, в частности, языку. Язык автора культурней и поэтически организованней языка отдельного персонажа из народа, но языковое свое богатство, разнообразие и гибкость своего словаря автор черпает у народа в целом, проводя его лексику через горнило культуры. Это и есть настоящее диалектическое взаимодействие писателя и народа в сфере языка.

Советская литература имеет *новое социальное качество*, и оно должно проявиться не только в идейной направленности, но и в языковом взаимоотношении между авторской речью и речью персонажей из народа.

Исчезла пропасть, отделявшая писателя прошлого—дворянина, буржуа, мелкобуржуазного интеллигента—от народа. Советский

писатель—новый интеллигент бесклассового социалистического общества—есть плоть от плоти и кость от кости народа, его рабочей и крестьянской массы. У этого писателя с народом есть *общий язык*—общий в смысле полного взаимопонимания и общий в буквальном смысле: единый речевой строй, единая образная система мышления. Вот что действительно ново. Общность языка с народом имеет множество степеней приближения и сродства. Тот факт, что Шолохов достиг здесь очень высокой степени, характеризует его как подлинно народного художника слова.

В зеркале искусства народ узнает самого себя. Чем больше узнает, тем охотнее заимствует все хорошее, что художник увидел в нем. Высокие нравственные начала, душевная чуткость, тонкая наблюдательность, такт и ум в общении людей, богатство и сложность чувств—все это читательская масса незаметно, но жадно впитывает в себя, многократно воспроизводит в собственном жизненном обиходе.

Два потока—демократизация читателя и демократизация литературного героя—идут навстречу друг другу. Наличие обоих этих потоков, каждого порознь и обоих вместе, их благодатная встреча в нашу сталинскую эпоху—вот что поистине великолепно, что заставляет сердце биться учащенней, что радует чистой радостью.

Все больше демократизируются темы советской литературы, ее герои, ее приемы раскрытия душевной жизни людей из самых недр народа. Именно в этом направлении развивается наша литература. Славное начало здесь было положено А. М. Горьким. Крупнейшим продолжателем этой традиции в наши дни является М. А. Шолохов.

Шолохов пишет для массового читателя, но он работает также и для писателей, для советской литературы в целом. В своих книгах он дает образец народности художественного слова в социалистическую эпоху—образец, которому уже подражают и будут подражать еще больше.

331975

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Оглавление

I. Творческий путь

1. Краткая биография 5
2. Литературная судьба 8
3. Реализм Шолохова 12

II. «Лазоревая степь» 18

III. «Тихий Дон»

1. Предистория гражданской войны на Дону . 28
2. Две души Григория Мелехова 34
3. Наши люди 49

IV. «Поднятая целина»

1. Путь в колхоз 55
2. Большевики на коллективизации 63

V. Тема Шолохова 75

Редактор А. К. Котов

* * *

Тираж 100 000 экз.
Подписано к печати 19/IV 1941 г.
А38322. Печ. лист. 5, авт. лист. 4,33. В печ. лист. 35776 зн.

* * *

Цена 75 коп.

* * *

8-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига».
Москва, Краснопролетарская, 16.
Зак. 157.

Цена 75 коп.